

Евгений АНТОНОВ

Родился в 1967 году в г. Коряжме, Архангельской области. Окончил факультет английского языка Нижегородского государственного лингвистического университета. В настоящее время работает переводчиком.

Живет в Коряжме.

ЗА РЕКУ!

Драма в трех действиях

Действующие лица

Михей, 30 лет, спортивно сложенный мужчина выше среднего роста, типичный горожанин, краевед-любитель.

Боря Лапа, 45 лет, житель деревни Горка, худой мужчина среднего роста с грубым обветренным лицом, жидкими темными волосами и щеточкой усов, одетый как попало. Боря – инвалид с детства, правая нога его высохла и теперь болтается ненужным грузом в штанине. Перемещается Боря на костылях, причем делает это очень проворно.

Полковник, 50 лет, житель деревни Таборы, высокий полноватый мужчина, бывший военный, что чувствуется во всем: и в походке, и в манере держать себя, и в разговоре.

Вася Хорохон, 40 лет, житель деревни Таборы, невысок, коренаст, чрезвычайно задирист.

Нюрка Коза, 35 лет, жительница деревни Безацкая, очень живая, невысокая, миловидная женщина, начинающая полнеть, проворна во всем, за словом в карман не лезет, чрезвычайно упрямая и, как говорят в таких случаях, «поперечная».

Саня Копилка, 45 лет, житель деревни Горка, крупный мужчина с наголо обритым черепом и татуировками на предплечьях, заядлый рыбак, поэтому постоянно носит сапоги-«бродни» и таскает с собой рыбацкий плащ, даже когда в этом нет необходимости. Саня, несмотря на внешность скинхеда, общителен и добродушен.

Баба Маня, 87 лет, старейший житель деревни Горка, да и во всей округе, сухая, но еще очень крепкая старуха, в здравом уме и с цепкой памятью.

Сёма Француз, 40 лет, житель деревни Горка, невысок, черноволос, проворен, деловит, ужасно картавит, за что и получил свою кличку.

Сергеа Моцарт, 40 лет, житель деревни Таборы, высокий, худой и пронырливый, своими манерами и внешностью напоминает южноафриканского зверька суриката.

Дед Плетень, 73 года, житель деревни Горка, шуплый, сутулый, но очень еще живой и проворный старичок, в любую погоду носит потрепанную телогрейку, под которую поддевает необходимое (в зависимости от погоды) количество одежды, и обрезанные кирзовые сапоги, на голове – либо старая потрепанная шапка-ушанка, либо такая же потрепанная кепка.

Траливаля, 45 лет, бывший житель деревни Горка, чрезвычайно жизнерадостный, веселый и общительный, за что и получил свое прозвище.

Аня Чиполинкина (Шишкина), 17 лет, жительница деревни Таборы, ученица Никольской средней школы.

Валера Коростелев, 17 лет, Анин бойфренд, ученик той же школы.

Федя Гнутый, 62 года, житель деревни Андреевская, высокий, худой и чрезвычайно сутулый мужчина, изможденный разного рода болезнями.

Два Инженера дорожно- и мостостроительной компании.

Действие первое.

Картина первая

Погожий майский день, берег реки Виледь, в летнюю пору неширокой. Сейчас же она разлилась по пойменным лугам широко и раздольно, подтопив нижние концы огородов и пастбищ окрестных деревень. Однако в этом месте берег высокий и сухой. На заднем плане, на небольшом холме, виднеются дома деревни, которая называется Горка. Дома эти, в основном, темные и покосившиеся, но есть пару домов исправных, обшитых досками и покрашенных, с ровными изгородями и выкошенными палисадниками.

Ласково светит солнце, щебечут птицы. К берегу причалена весельная лодка. С носа ее тянется толстая веревка, намотанная на деревянный кол, вбитый в землю в пару метров от кромки воды. На берегу – грубо сколоченный стол на двух столбах-опорах, с двух его сторон – вкопанные в землю широкие скамейки. К столу, между скамеек прислонены костыли. Чуть поодаль от стола – старое кострище, с рогатинами, длиной жердью на них. У кострища стоят несколько березовых и еловых чурок, которые используются в качестве стульев и подставок под посуду. На одной из скамеек дремлет, положив под голову старую фуфайку, пригревшись на солнышке, Боря Лапа. Ему снится что-то очень приятное, Боря улыбается во сне.

Звучит спокойная релаксирующая музыка, наполненная звуками весенней природы. Сквозь музыку, словно издалека, несколько раз пробивается чей-то крик:

«За реку!»

Боря начинает беспокойно шевелиться, улыбка постепенно сползает с его лица. Наконец, глаза его распахиваются. Встрепенувшись, Боря быстро опускает со скамейки ноги, растерянно смотрит по сторонам, с трудом приходя в себя.

Боря Лапа. А?.. Что?.. За рекой, что ли, кричат? Или приснилось мне?

Снова, теперь уже отчетливо, раздается крик: «За реку!»

Боря Лапа. О, точно кричат!

Затенив ладонью глаза от солнца, Боря вглядывается
в противоположный берег.

Боря Лапа. Парень какой-то... Вроде не наш... С великом... Такой сон мне испортил, зараза! То-то Танюха заголосила вдруг мужицким голосом. За реку, мол. И это в самый-то интересный момент!..

С противоположного берега снова раздается крик: «За реку!»

Боря Лапа (*раздраженно*). Да не ори так! Не глухой!

Боря приставляет ладони рук рупором ко рту, кричит человеку
на другом берегу.

Боря Лапа. Еду!

Боря подхватывает свои костыли, выделяет ими в воздухе какие-то фигуры, сует себе в подмышки, ковыляет к лодке, отвязывает веревку от кола, бросает ее в лодку, забирается туда, усаживается, кладет костыли подле себя, гребет к противоположному берегу. Прodelывая все это, он сердито ворчит что-то невнятное. (Вероятно, лодка должна двигаться вдоль авансцены и обратно. Каким образом – решать режиссеру и работникам сцены.)

Вскоре лодка возвращается. В лодке – Боря Лара и Михай, большой туристический рюкзак с привязанным к нему ковриком, спортивный велосипед, который Михай удерживает от падения в воду. На Михее – бриджи, футболка, бейсболка. Судя по взмокшей от пота спине, ему стоило труда, чтобы добраться до реки.

Боря Лапа (*орудуя веслами*). А до реки ты как доехал? Через Чаброво?

Михей. Ну, да. Отворотка на Чаброво – знак стоял. Я там на грунтовку свернул, прямо по дороге и поехал, до Володиного. Потом, правда, немного обратно пришлось вернуться. Ну, а к самому берегу тут у вас тропинок натопано всяких.

Лодка причаливает к берегу. Боря выбирается из нее первым, помогает Михею с рюкзаком и велосипедом.

Боря Лапа. Так ты, парень, большой крюк маханул, коли уж от самой Коряжмы на велике сюда прикатил.

Михей. Километров сорок. Может, чуть больше. Это ерунда, я привыкший. Тем более, по ветру почти всю дорогу... А вы тут вроде паромщика? Или, точнее, перевозчика?

Боря Лапа. Ага. Вот-вот. Вроде него...

Михей надевает на плечи рюкзак, берет за руль велосипеда. Затем, подумав немного, подкатывает велосипед к столу, прислоняет его с торца, снимает рюкзак, ставит его на землю рядом с велосипедом.

Михей. Я, пожалуй, передохну тут у вас немного.

Боря Лапа (*прислоняет костыли к столу, садится на скамейку, спиной к столу*). Передохни. Кто ж не велит?

Михей подходит к Боре ближе, протягивает ему руку.

Михей. Михей.

Боря Лапа. Михаил, что ли? Миха, по нашему?

Михей. Нет, не Михаил. Михей. Имя у меня такое...

Боря Лапа. Смешное какое имя! А я – Лапа... То есть, Борис...
В общем, Боря Лапа. Так меня кличут.

Пожимают друг другу руки.

Михей. А почему Лапа? Или это фамилия такая?

Боря Лапа. Так ведь как иначе, коли на одной ноге скачу всю жизнь? ...

Михей с сомнением смотрит на Борины ноги.

Михей. А почему на одной?

Боря Лапа. А потому что высохла моя левая ноженька еще в детстве. Инвалид я... *(Подхватывает один из костылей, начинает им выделывать в воздухе разные фигуры. Получается нечто среднее между жонглированием булавой и фланкировкой казацкой шашкой. Наигравшись и едва не угодив пару раз костылем Михею в голову, ставит костыль на место.)* Ну, как-то так... А ты как знал, что кричать нужно с того берега?

Михей садится на скамейку рядом с Борей.

Михей. Так мне... это... в Володино подсказали, бабка какая-то. В огороде копошилась, прямо у дороги, крайняя изба.

Боря Лапа. А-а-а. Красная Шапочка.

Михей *(удивленно)*. Красная Шапочка?! Это почему же. По ней не скажешь – вся в черном.

Боря Лапа. Так... это... бабку у нее, давно еще, в войну, волки съели. Вот ее народ так и окрестил – Красная Шапочка.

Михей хмыкает.

Боря Лапа. А ты, вообще, куда едешь-то? В Казаково?

Михей. Да никуда конкретно... Так, путешествую по местным деревням, можно сказать, с познавательными целями... Ни разу в этих местах не был. В Шалимово заеду, церковь осматрю, можно и до Казаково смотаться, если желание будет.

Боря Лапа. А чой эт ты кругаля такого дал, в объезд, по большому мосту? От него же километров двадцать досюда. Махнул бы напрямиком, через Черемуху! Дорога там, конечно, не очень, но ведь короче в два раза.

Михей. Бешеной собаке сто верст не крюк, как говорила моя бабушка. Я на той дороге уже бывал, выезжал на гору Шалимовскую, а мне тут захотелось места посмотреть, вдоль Виледи.

Боря Лапа. А-а-а. Ну-ну. Посмотри... Только ведь посмотреть-то у нас тут особо и нечего. Деревни у нас везде одинаковые: дома – какие брошены, какие покосились да заросли по самые окна... Разорили все

хозяйства. Где подъезд получше, так там хоть на лето люди приезжают – вроде как дачники. У них и дома исправные – скважина, водопровод, все дела. А где дорог нет, так там и деревень совсем не осталось – только ямы от погребов.

Михей. Да я знаю... Но, так, все равно, посмотреть хочется... А вы что, круглые сутки тут так дежурите?

Боря Лапа. Зачем круглые сутки? Мы вообще тут не дежуриим. Это я просто рыбаку так. Сеток у меня несколько штук во-о-он по тем заливчикам стоит. *(Показывает рукой.)* Вот я за ними и присматриваю. Ну, и перевезу иной раз через реку кого-нибудь по надобности.

Михей. А зачем присматривать? Украсть могут?

Боря Лапа. Не-е-е. Это вряд ли. Чужих на лодках тут не бывает, а наши местные друг у друга сетки не снимают. Если чего другое прихватить, то еще может быть, а сетки – никогда. Они же у нас у всех самовязки, именные, можно сказать. Где ты с ней потом рыбачить будешь, с ворованной-то сеткой? Это я просто так тут сижу, для удовольствия, можно сказать. Дома-то чего торчат, в такую погоду? Огородик у меня маленький, с большим мне и не справиться – картошки немного, да так еще чего на еду, я уж отсадился. А остальным сейчас не до реки – они как раз сейчас пашут, копают, сядят... А те, у кого участки пониже, на луговине, так и того делать боятся, ждут, пока вода падать начнет.

Михей. А что, подтопить еще может?!

Боря Лапа. Бывало и такое.

Михей *(немного растерянно)*. А как же через реку перебраться, когда здесь, на берегу никого нет?

Боря Лапа. А ты кричи громче, в крайних избах кто-нибудь и услышит. Лодка-то у нас всегда тут, наготове. А то, бывает, и не одна.

Михей. А другого способа нет? Ну, брод какой-нибудь, паром там или еще что?

Боря Лапа. Почему нет? Есть. Всегда можно что-нибудь придумать. Только ты, поди, попробуй еще переберись! Ближайший брод – километрах в семи ниже по течению. Так ведь он только летом, когда речка мелеет, брод. Да и то для тракторов да грузовых машин. Ну, «уазик» иной раз проскочит, если дождей долго не было, или еще джип какой. А один тут, прошлым летом, не наш – проезжий, расхрабрился, сунулся на «Ниве», соскочил колесом в яму, и стоял посередь реки, газовал, пока движок у него не стуканул.

Михей. Во как!

Боря Лапа. Ага... А паром... Был у нас паром. До-о-олго был. Мы еще пацанами на нем катались да, бывало, рыбачили с него на зорьке... И паром был, и паромщик был, Толя-Все зашибись – хороший мужик, не гонял нас никогда, а мы за то ему помогали иной раз, в охотку...

Михей *(тряхнув головой, со смешком)*. Все зашибись? Что, так классно паром водил?

Боря Лапа. Да какой там! Едва управлялся. А куда его еще пристройшишь, коли у него на руках только по большому пальцу и осталось? Ага. Он, вишь, сплавщиком работал на нижнем складе, в Усть-Виледи, когда у нас еще лес модем сплавливали по реке, вот там ему пальцы-то и прищемило. Да так, что ничего от них не осталось... Вот... Ну, директор совхоза нашего и сжалился, взял его, как положено по штату, паромщиком. Когда совхоз-то наш в силе был, мы же технику туда-сюда гоняли, каждую лужайку обкашивали по берегам! Что ты! Такое

хозяйство было! И коровник, и телятник, и свинарник на сотню голов!.. (Махнув рукой.) Все ведь развалили к чертям собачим! Ничего не осталось!.. И паром тот был, да сплыл...

Михей. Как сплыл?!

Боря Лапа. А так! Один год, об эту же пору, вода шибко высокая была, хламу всякого много несло по реке, аж целые банные срубы с верхних деревень, трос-то паромный и оборвало! Да и как не оборвать? За ним же тоже следить нужно, укреплять, подтягивать, а как совхоз-то развалился, так уж никому дела до этого не стало... Вот... Трос оборвало, паром унесло куда-то на луга, там он и сгнил. А Толя как запил с тоски, так и помер от пьянства, не смог остановиться. Да и кто б не запил, на его месте?!

Михей. Вот как!.. А вас как подрядили перевозом заниматься?

Боря Лапа. О-о-о, это, брат, целая история!

Михей. Ну!

Боря Лапа. Что ты! Тут ведь, в Таборах, народ с ближних деревень аж на сход собрался! Ага... Собрались все значит, галдят невпопад, а Полковник гаркнул, чтоб успокоились, и говорит...

Михей. Полковник?!

Боря Лапа. Да, Ванька Кобелев из Таборов же... Он, вишь, в армии офицером служил, до полковника дослужился, а как турнули его на пенсию, он к себе в деревню вернулся, хозяйством занялся... Ага... Вроде и командовать больше нечем, а покомандовать-то ему страсть как хочется!.. Вот Полковник, значит, успокоил народ, и говорит: «Предлагаю назначить лодочника!»

Звучит диссонирующая сумбурная музыка, сквозь которую пробиваются голоса и нечленораздельные выкрики множества людей.

Свет на сцене меркнет.

Картина вторая

Деревенская улица. На заднем плане – забор, палисадник, заросший кустарником, за ним виден фронтон и часть крыши деревенского дома. У забора – несколько скамеек, на которых сидит деревенский люд, в основном – женщины. Несколько мужчин стоят, опершись о сруб колодца, расположенного с одной стороны сцены, другие толпятся на переднем плане. Все неспокойно что-то обсуждают. Разобрать можно лишь отдельные голоса: «Теперь, случись чего, и к доктору в Никольск не попасть!», «Да что там к доктору! Хлеба и то близко не купишь, в Шалимово чесать нужно! А это ж, почитай, десять километров!», «Ну, за хлебом-то мы и на лодке сплавим, а вот ежели чего другое...», «Вам хорошо – у реки живете, на лодках плаваете, а нам как быть?»

Общий гомон перекрывает зычный голос Полковника.

Полковник. Тихо! (Гул чуть стихает.) Тихо, я сказал! Дайте мне сказать!

Полковник взбирается на небольшой штабель толстых досок, уложенных тут же возле забора. Наступает относительная тишина.

Полковник. Предлагаю назначить лодочника!

Вася Хорохон. Как это назначить?! Ты чего это тут раскомандовался?! Что мы тут тебе рекруты какие-нибудь! Ты иди в курятнике у себя командуй!

Голо са. Уймись Хорохон! Пусть говорит! Говори, Полковник!

Полковник. Да, назначить! Парома больше нет, а переправляться всем нам нет-нет да как-то нужно. Вот я и предлагаю назначить общим голосованием кого-нибудь из Горки, кто бы мог людей переправлять на лодке!

Боря Лапа. А чо это сразу из Горки! Чуть что, так сразу Горка!

Полковник. Так ведь сам рассуди, Борис! У вас же в любом дворе лодка имеется, а может, и не одна!

Голо са. А андреевские чего? Там тоже лодок полно!

Полковник. А с Андреевской куда тебя перевезут? Там плес да ивняк на другом берегу. До ближайшей дороги полверсты будешь ползти по сограм, все ноги себе переломаешь!

Голо са. Это точно! Верно говорит!

Вася Хорохон. А ты нас спросил?! Ишь, какой! Назначить! Да кому это нужно – ярмо себе на шею вешать! У нас и своих дел полно!

Полковник. Так ведь не за просто так он будет людей перевозить! Предлагаю и об оплате договориться!

Люд негромко шумит, переговаривается, обсуждает идею Полковника.

Вася Хорохон (*Полковнику*). Ну, и кого же ты предлагаешь в лодочники?

Полковник. Да, вот хотя бы Борю Лапу...

Голо са. Это почему же Лапу?

Полковник. А почему бы нет? Боря, во-первых (*загибает один палец*), хозяйством особо не занимается, по состоянию здоровья, так сказать, и свободного времени у него полно (*одобрительное гудение*); во-вторых (*загибает второй палец*), веслами грести ему – плевое дело, руки у него крепкие – всю жизнь со своей высохшей ногой на костылях пробегал...

Голо са. Эт точно! У Бори руки – будь здоров! Так Хорохону на Пасху заехал, тот едва жив остался!

Вася Хорохон. Чего заехал-то?! Чего заехал?! Я и без того едва на ногах стоял!

Полковник (*повышает голос, чтобы перекрыть гомон*). В-третьих, глядишь, и денежку себе какую-никакую заработает. А то что он там получает со своей пенсией? А, Боря? Ты как на это смотришь?

Боря Лапа (*неуверенно*). Да, я что... Оно, конечно, можно... Только вот...

Нюрка Коза (*перебивает*). А вы лодку-то у Лапы видели?! Как он в ней сам-то не потонет?! Это же корыто дырявое! Как есть корыто! Да он там как свои костыли разложит, так и тебе, Полковник, сести некуда будет! А если мы с маманей за реку поедем, с корзинами да коробами, а? Да он же нас утопит посередь реки!

Боря Лапа (*обиженно вскинувшись*). Ну, Коза! Опять за свое!

Голо са. Верно! Лодка у Бори худая!

Полковник. Лодка у Бори, конечно, не так, чтобы очень... Это так... Но лодку ведь можно и другую под это дело выделить.

Голо са. А где ты ее возьмешь, другую-то?

Полковник. А попросить можно у кого две лодки имеется, вроде как в аренду. У Сани Копилки, например... Где он? Нет его? Опять

браконьерит где-нибудь... Ну, вот тогда хотя бы у Семы Француза! (Обращается к Семе.) Сема, дашь свою лодку под извоз?

Сёма Француз (ужасно картавит.) Лодку? Боре? А чего не дать? Можно. Мы с Борей старые друзья, сочтемся. Да и вы, я думаю, меня не обидите, за аренду, так сказать... Казанку мою пусть бе-рет – она ходкая, места в ней много, да и мотор можно повесить, если что...

Вася Хорохон. Да откуда у Бори мотор?! И казанка твоя вся помятая, как будто трактором по ней проехали!

Сёма Француз. Ну, чуток помята, так ведь не дырявая же! А тебе какая разница – помята, не помята ли, хрень-то всякую за реку возить!

Полковник. Ну, вот и договорились! Осталось только...

Нюрка Коза (перебивает). Э-э-э, погодь, погодь! Договорились они! А если Лапы на месте не будет? Он же на привязи там не будет сидеть! Он и сам иной раз уезжает куда-то... и в лес, и в Ильинск, и Никольск тот же... Уж я его везде повидала!

Народ опять начинает гудеть.

Полковник (немного подумав). Ну, тогда вот что можно сделать... Пусть, кто свободен от дел, тот и возит. Особенно это тех касается, у кого дома ближе всех, на реку смотрят. У них и лодки всегда под рукой – не одна, так другая...

Боря Лапа. Как это «кто свободен, тот и возит»?!

Сёма Француз. А деньги как делить, за фрахт, так сказать?!

Полковник. Можно журнал учета вести, как раньше в колхозе делали, что-то вроде трудовой.

Сёма Француз. А кто его будет вести, ты, что ли?

Полковник. Зачем я? Я от вас далеко. А вот хотя бы баба Маня! У нее из окон весь берег на виду. Целыми днями, бывает, у окна сидит или на лавке у забора, всех видит, все замечает. Правда, баб Мань?

Баба Маня. Правда, милоч, правда. Все вижу, что на реке творится-делается, и сама могу на лодке перевезти кого хошь...

Нюрка Коза. Да ну! Баба Маня! Ты?! Сама?! На весла, что ли, сядешь?!

Баба Маня. А что ты думаешь, милая? Всю жисть на лодке проплавала, а теперь не смогу? Да я еще любого из вас угребу, коли со мной тягаться удумаете! Да хоть козу, хоть корову на тот берег перевезу, только сшеркает! (Смех.) А только никакого такого журналу я писать не буду!

Полковник (оторопел). Это почему же?!

Баба Маня. А неграмотная я, милоч.

Голоса. Как так?! Во, бабка дает!

Полковник. Да ну! Не может быть! Неграмотная?! В наш-то век?!

Баба Маня. А некогда мне, милоч, было грамоте учиться, в мое-то время. Без отца росли, а я сама старшая была. Попробуй-ка прокорми восемь-то ртов в голодное время! Младших-то всех выучила, а сама так и не успела.

Вася Хорохон. Правда, правда! Мы пацанами ей по очереди письма от родни вслух читали да ответы писали.

Полковник (разводит руками). Ну, тогда не знаю, что и предложить...

Народ переговаривается, так же в растерянности.

Баба Маня. Крылецо-то у меня совсем пало, стоит этак... набекрень. Того гляди, выйду да расшибуся с него.

Полковник. Это ты, бабушка, к чему?

Голоса. Совсем заговариваться бабка стала.

Баба Маня. А это я к тому, милоч, что колодец бы нам нужно почистить. А то ведь один колодец у нас и остался добрый на всю деревню – с водой в любое лето. И вода-то в нем ску-у-усная! А все остальные – так, скотину только поить, кабы она была.

Полковник. Ну? А крыльцо тут твое причем?

Баба Маня. Так и крылецо бы мне заодно поправили.

Люди, недоумевая, переговариваются.

Баба Маня. А мы бы за то и перевоз бы наладили. Сами меж собой уговорились бы, когда кому людей везти али там еще чего... А уж я уследила бы, чтобы порядок был, на первое-то время.

Сёма Француз. А потом?

Баба Маня. А потом, милоч, оно видно будет.

Полковник. А-а-а, так ты, значит, предлагаешь помочь вам, всем миром, по хозяйству деревенскому, а вы бы за это и перевозом занялись, сами меж собой лодочников назначая?

Баба Маня. Так-так, милоч. То я и говорю. Так оно ведь раньше-то и было, сколько себя помню!

Голоса. А что, дело бабка говорит! Пусть перевозом займутся, им оно сподручнее! Ага, а уж мы оплатим чем нито!

Полковник (*обращается к людям, стоящим вокруг*). Ну что? Всех такой расклад устраивает?

Голоса. Устраивает! Нормально все! Пойдет!

Сёма Француз. Нет, погодите! Как это всех устраивает?! Вы нам расскажите конкретно, чем вы нам поможете! На какую, так сказать, сумму мы можем рассчитывать?

Полковник. Вот вы это между собой все и обсудите! Обсудите, прикиньте, в чем, в первую очередь, нужда имеется, а нам потом и расскажите. А уж мы меж собой, в три-то деревни, договоримся, чем да как вам помогать будем, и сей год, и на потом.

Народ одобрительно гудит.

Нюрка Коза. Стойте! А если мне с того берега перебраться нужно? Запоздала я, скажем, у сестры в Володино засиделась да пришла к реке поздно вечером... Как тогда мне за реку попасть?

Баба Маня. Так ты кричи, милая, громче! Мы и услышим.

Нюрка Коза. Да как же вы услышите-то, когда у вас все в телик по вечерам таращатся?!

Баба Маня. Я-то телевизер только днем смотрю. Ты кричи, я и услышу!

Нюрка Коза. А что кричать-то?

Баба Маня. А то и кричи, что встарь кричали: «За реку!»!

Люди одобрительно переговариваются. Кто-то весело кричит: «За реку!»

Кое-кто этот крик подхватывает.

Звучит гармоничная успокаивающая музыка, сквозь которую пробиваются голоса и отдельные выкрики «За реку!». Свет на сцене меркнет.

Картина третья

Свет на сцене загорается.

Берег реки Виледь. Вечереет.

Все тот же стол, те же скамейки, на одной из которых снова, в той же позе, дремлет Боря Лапа. К столу, все так же, прислонен велосипед Михея, рядом стоит его рюкзак. Сам Михей мирно посапывает, свернувшись калачиком на туристическом коврикe, который он расстелил тут же, возле рюкзака.

Звучит гармоничная успокаивающая музыка, звучавшая в конце второй картины, сквозь которую пробиваются голоса и отдельные выкрики «За реку!».

Боря Лапа вздрагивает, заполошенно вскакивает со скамейки, трет спросонья глаза.

Боря Лапа. А? Что? Опять кричат? (*Всматривается в противоположный берег.*) Да, вроде, нет никого... Значит, точно, почудилось!

Михей просыпается, садится на коврикe, немного ошалело трясет головой.

Михей. Ты, смотри, сморило как! Даже не подумал бы! Вроде сидели, болтали, и на тебе! И сон такой приснился – ошалеешь!

Боря Лапа (*потягивается*). А что ты хочешь? Тут место такое! Я вчера тут почти целый день выспал. Ночью зато почти не спал – с Копилкой сети да фитили переставляли. Вода-то все еще прибывает потихоньку, где вчера рыба попадалась, там сегодня, может, и ходить-то не будет!

Боря Лапа берет со стола стоящую там помятую алюминиевую кружку.

Протягивает ее Михею.

Боря Лапа. Черпани-ка мне водички почище!

Михей встает, берет кружку, подходит к кромке воды, споласкивает кружку, черпает воду, подходит к столу, протягивает кружку Боре. Боря делает несколько больших глотков, остатки, широким взмахом, выплескивает на берег.

Михей. А не страшно воду вот так, прямо из реки, пить?

Боря Лапа (*небрежно машет рукой*). А-а-а. Зараза к заразе не пристанет. Мы привыкшие.

Михей достает пластиковую бутылку с водой из кармана своего рюкзака, откручивает пробку, пьет.

Боря Лапа. Люблю я эту пору! Не холодно тебе и не жарко, и ни одна сволочь не жужжит над ухом да не кусается!.. Да... А летом-то вот так на лавке не полежишь, не подремлешь – гнуса всякого столько, что того гляди под руки подхватят да в кусты уволочут! Что ты!

Михей. Да уж знаю!

Боря со стуком ставит на стол пустую кружку.

Боря Лапа. Ну? Что надумал? Поедешь дальше путешествовать или еще пока здесь побудешь?

Михей засовывает бутылку с водой обратно в карман рюкзака, поднимается с коврика, с наслаждением потягивается.

Михей. Даже и не знаю... С одной стороны, вроде, и ехать пора, а то засиделся тут у вас. С другой – куда я сейчас, на ночь глядя? Солнце, вон, уж к закату клонится.

Боря Лапа. Вот и я говорю – куда тебе сейчас ехать?! Оставайся, ночуй тут, у костерка с нами посиди... Ушицы заварганим, выпьем по маленькой, если, конечно, своих добавишь... (Боря хитро подмигивает Михею.)

Михей (*немного подумав*). Можно и так... А добавить... Почему же не добавить... Прямо сейчас?

Боря Лапа (*оживленно*). Так вот я к тому и веду! Ты посиди тут немного, на закат полюбуйся... Закат-то у нас краси-и-ивый, в такую погоду!.. Перевезешь кого, может, если понадобится... Тебе ведь не трудно? Парень молодой, здоровый! А я тем временем сбегая, прикуплю кой-чего (*задрав подбородок, почесывает горло рядом с кадыком, снова подмигивает*), чтобы ночью не забыть...

Михей, не говоря ни слова, ставит рюкзак на скамейку, роется в его карманах, находит кошелек, достает из него деньги, протягивает Боре. Боря берет и, с радостным выражением лица, засовывает их себе куда-то за пазуху.

Боря Лапа. Вот и ладненько! Ну, я побежал!

Боря подхватывает свои костыли, крутанув их в воздухе, и, на удивление проворно, скачет в сторону деревни, скрывается из виду, напевая вполголоса что-то бодрое.

Михей не спеша опускает рюкзак на землю, сворачивает коврик, пристраивает его на велосипед, сам садится на скамейку, спиной к столу, любитесь закатом.

Михей (*самому себе*). Да... И правда, красиво тут... Давно, вот так просто, на берегу реки не сидел... Вода-то – прямо как зеркало!.. Побуду здесь... Куда мне спешить? На работу только через четыре дня. Не пропадать же им! Дома еще успею насидеться (*зябко поеживается, встает, делает несколько взмахов руками, чтобы размяться и согреться, снова берется за рюкзак, ставит его обратно на скамейку, достает из него ветровку надевает на себя*). И народ здесь до чего интересный! Прозвища у всех (*качает головой, улыбается*). Вот так останови любого в деревне, спроси: «Ты кто?», так ведь, пожалуй, и фамилию свою не сразу вспомнит!

Откуда-то сбоку, из-за кустов, появляется Саня Копилка. На нем неизменные сапоги-бродни с опущенными и свернутыми голенищами, расстегнутый рыбацкий плащ, под которым надета лишь линялая полосатая майка десантника, на голове – легкая вязанная шапочка.

Саня Копилка. О! Ты кто?!

Михей (*растерянно*). Я? Я... этот... как его... Михей.

Саня Копилка (*подходит к столу, небрежно бухается на скамейку*). А Лапа где?

Михей (*осторожно садится на скамейку, чуть поодаль от Копилки*). В деревню пошел. Говорит, прикупить кое-чего да из дому что-то прихватить, на ночь. Я за него пока остался.

Саня Копилка. Ага. Компаньон, значит... Небось, деньгами поделился? (*Михей кивает.*) Ну и ладно. Веселее будет. (*Протягивает Михею руку.*) Саня.

Михей (*пожимает руку*). Михей. Будем знакомы!..

Саня Копилка. А почему Михей? Что, вот так вот просто Михей? Не Михаил?

Михей. Ну да. Имя такое – Михей. Не Михаил...

Саня Копилка (*тряхнув головой*). Бывают же имена смешные!

Михей. А ты – просто Саня?

Саня Копилка. Ага. Просто Саня. Саня Копилка.

Михей. А почему Копилка?

Саня Копилка (*задумчиво почесывает затылок, сдвигая шапочку на самый лоб*). А хрен его знает!.. Так уж вышло...

Копилка окончательно сдергивает с головы шапочку, обнажив гладко выбритый череп, прямо по центру которого от затылка до лба тянется здоровенный рубец. Хлопнув шапочкой о колено, словно выбивая из нее пыль, он небрежно бросает ее за спину, на стол.

Михей краем глаза замечает шрам на голове Копилки, поворачивает голову, вглядывается внимательней.

Михей (*с оттенком уважения*). Ничего себе! Где это так тебя?! Воевал, что ли?

Саня Копилка. Было немного. Только это я здесь заработал, в деревне.

Михей. Как это?

Саня Копилка. Да вот, решил Фазе, это электрик наш, помочь немного сдуру да спяну. Свет пропал в деревне – оно бы и хрен-то с ним! У нас такое часто бывает. А тут как раз футбол показывали, чемпионат мира – ну как тут усидишь спокойно?! Фаза полез в шкаф распределительный, и я за ним следом. И ладно бы, блин, я хоть понимал бы чего в этом! Так нет же! Полез!

Михей. И чего?

Саня Копилка. Чего-чего... У Фазы ожог рук третьей степени, а у меня (*машет рукой*)... считай, что контузия. Как в том анекдоте про обезьяну – были бы мозги, было б сотрясение. (*Меняет позу, закидывает ногу на ногу, продолжает рассуждать.*) Да и у Фазы тоже мозгов не больше – не электрик, а одно название. Ни хрена не петрит! Даром что четвертый разряд. Вот раньше к нам из Шалимово, бывало, приезжал Вова Замыкало – вот тот электрик так электрик! Свет в баню мне провел, холодильник починил... В общем, электрик от бога!

Михей. А сейчас он где?

Саня Копилка. А нету. Убило его.

Михей. Как это убило?! Чем?!

Саня Копилка. А током.

Михей. Током?!

Саня Копилка. Ага. Током. На подстанции он чего-то там ремонтировал... или менял ли... не знаю точно. Ну и попал под напряжение!

Михей. Ты смотри, как оно бывает!

Саня Копилка. А то! У нас тут еще и не такое бывает.

С противоположного берега доносится крик «За реку!»
И Михей, и Саня поворачивают головы в том направлении,
всматриваются.

Михей. О! Кому-то на этот берег понадобилось!..

Саня Копилка. Ага. Понадобилось.

Михей. Перевезешь? Или мне сплавать?

Саня Копилка (*встает, затемняет глаза ладонью от солнца, всматривается внимательнее*). Погодь, погодь... Дай-ка я гляну, что это ни за хрен там такой!

Саня подходит к кромке воды, продолжает всматриваться. Затем, неожиданно, делает известный жест, согнув руки в локтях. Громко кричит тому, кто на другом берегу.

Саня Копилка. А во тебе! Видал?! Шуруй в Никольск! Там тебя перевезут!

Голос с другого берега. А не имеешь права! Мы вас подрядили!

Саня Копилка. Кто меня подрядил?! Ты, что ли?! Да пошел ты!.. Придурок! (*Уже не так громко.*) Права он мне сейчас еще будет качать!

Михей (*встает, так же подходит к кромке воды*). Что-то я не очень понял... Что не так? Вы не всех, что ли, перевозите?

Саня Копилка. Всех. Но этого (*указывает рукой на противоположный берег*) я не повезу!

Михей. А что так?

Саня Копилка. А так. У нас с ним свои счета!

Михей. И как теперь быть?

Саня Копилка. А никак! Если хочешь, можешь ты перевезти. А нет, пусть там сидит, козел! (*Грозит кулаком другому берегу.*)

Михей. Ну ладно. Перевезу. Мне ведь не трудно.

Михей отвязывает лодку, оттолкнув от берега, запрыгивает в нее, садится за весла, гребет к противоположному берегу.

Саня Копилка (*снова садится на скамейку, спиной к столу, облокотившись на него*). Вот-вот. Перевези! Только не пожалей потом, что перевез!

Какое-то время Саня Копилка сидит вот так, молча вглядывается в противоположный берег, нервно притопывает одной ногой. Слышен лишь щебет птиц и отдаленное поскрипывание уключин. Затем, предположительно, с середины реки, доносится голос Сереги Моцарта. Голос его становится отчетливее, по мере приближения лодки к берегу.

Серега Моцарт. Что же ты, сволочь, делаешь, а?! Вы же всех должны перевозить! Мы же вам сколько всего по деревне сделали!

Саня Копилка (*кричит в ответ*). Ты, что ли, чего-то там сделал?! Да ты только гадить умеешь втихаря! Поговори еще у меня! Сволочь! Я тебе покажу сволочь!

Лодка причаливает к берегу, Михай выпрыгивает на берег, подтягивает лодку повыше, привязывает веревкой к колу. Серега Моцарт, из предосторожности, из лодки выбираться не спешит.

Саня Копилка (*поднимается с места, откинув полы плаща, упирает руки в бока*). Ты зачем, падла, мне сарай подпалил?!

Серега Моцарт. Да чо ты брешешь?! Ведь с участковым разбегались! Доказано уже, что не я!

Саня Копилка (*голос становится все более грозным*). Доказано?! Не ты?! А лодку мою тоже, скажешь, не ты продырявил?! Вот погоди, попадешься ты мне где-нибудь без свидетелей, я тебе харю-то подрихтую!

Серега Моцарт (*привстает, осторожно начинает выбираться из лодки*). Ага. Ага. Я тогда тебе еще и баню подпалю!

Саня срывается с места, с криком «Ах, ты!..» бросается к лодке.

Серега рывком выскакивает из лодки, на ходу выхватив весло из уключины. На берегу он начинает отчаянно им размахивать, не подпуская к себе наседающего на него Копилку.

Михей, поначалу растерявшийся, бросается к Сане, пытается удержать его за полы плаща, зывая: «Саня! Саня, успокойся!»

Саня Копилка, каким-то образом, перехватывает весло, вырывает его из рук Сереги, широко размахивается для удара.

Михей повисает на весле, не давая Сане нанести удар. Откуда-то сбоку возникает Боря Лапа, бросает костыли и принесенную с собой сумку и тут же повисает на плечах у Копилки. Вдвоем с Михеем они валят Копилку на землю, падают на него сверху, удерживают его изо всех сил.

Серега Моцарт мгновенно скрывается в кустах.

Боря Лапа (*кричит, задыхаясь от усилий*). Санек! Санек, уймись! Христом Богом прошу! Ты ведь его изувечишь!

Саня Копилка хрипит, рычит что-то нечленораздельное, постепенно затихает.

Михей и Толя, подержав его еще какое-то время, медленно поднимаются, отряхиваются.

Михей (*хрипло, пытаясь отдышаться*). Да-а. Весело тут у вас, однако!

Боря Лапа (*переводя дух*). Ага. Веселимся до упаду.

Боря подбирает свои костыли, с трудом добирается до стола, плюхается на скамейку. Михей садится рядом.

Саня Копилка, полежав еще немного, рывком сидится, поворачивается к ним спиной и сидит так, обняв колени и глядя на реку, словно любителю закатом.

Боря Лапа (*обращается к Михею*). Ты, что ли, Моцарта перевез?

Михей (*не совсем понимает*). Моцарта?!

Боря Лапа. Моцарта, Моцарта... Гитариста этого хренова... (*Михей молча кивает*.) Ну и зря! Нужно было его там оставить... У них же (*показывает рукой на Копилку*) с Моцартом давно уже так, еще с малолетства. Никто уж не помнит, с чего все началось, а только вредит Моцарт Саньке нашему втихаря, то одно, то другое напакостит,

а Санек его за это, известно дело, поколачивает. Уж и судили его за это... Хорошо хоть срок не впяли, условкой отделался... А сейчас бы его точно посадили. *(Окликает Копилку.)* А, Сань? Ведь ты бы его убил бы сейчас!

Михей. И звали бы тебя тогда уже Сальери.

Боря Лапа. Сальери?! Кто такой – Сальери?

Михей *(небрежно махнув рукой)*. А-а, Моцарта убил...

Боря Лапа. Моцарта? Какого Моцарта?

Михей. Того самого, настоящего.

Боря Лапа. Что, вот так же *(кивает в сторону Копилки)*, веслом?

Михей *(делает неопределенный жест рукой)*. Ну, почти...

Боря Лапа *(немного подумав)*. Видишь, Санек, все это уже, оказывается, до тебя было... Да-а, вот Мудрик-то наш и говорит, что, мол, эта... цивилизация, говорит, развивается по... этой... Как ее, Санек?

Саня Копилка *(мрачно)*. Спирали.

Боря Лапа. Вот-вот, по спирали. Все, говорит, повторяется заново, через сколько-то там лет...

Все молчат, обдумывая сказанное.

Михей. Неподтвержденная теория.

Боря Лапа. Как это... неподтвержденная?!

Михей. А так. Многие полагают, что так оно и есть, но доказать не могут.

Саня Копилка *(все так же мрачно, с недоброй ухмылкой)*. Ну как наш Батрак! Тоже мне, следовательно!

Боря Лапа. Ну, скажешь тоже! Мудрик врать не будет... Да я и сам про эту спираль-то думал: так ведь оно и есть! Вот, к примеру, племянница моя, ага, сеструхи моей, стало быть, дочка... Давненько, правда, это было, ей уж сейчас самой под тридцать... Связалась она, семнадцати лет, с мужиком взрослым, там, у вас где-то, Миха, в Коряжме. Ну и стала жить с ним, у него, стало быть, на квартире. Ну а сюда, в деревню, нет-нет да и наезжала погостить. Я ей и говорю как-то раз: «Ты, Настюха, чем думаешь-то?! А если забрюхатишься? Он же тебя, дуру, вмиг с квартиры сгонит! Что делать будешь тогда?»

А она мне: «У меня спираль»...

Михей начинает тихо давиться смехом. Боря, не замечая, продолжает.

Боря Лапа. И ведь как в воду глядела! Знала она, что ли, про эту теорию хитрую? Точно все, по этой самой спирали, и вышло: бабка ее, в свое-то время, родила, еще молоденькой совсем, девчонкой, можно сказать, неизвестно от кого, и с Настюхой та же печаль приключилась! Так ведь хорошо – нашелся порядочный мужик, полюбил ее, дуру, за что-то, с ребенком за себя взял! Живут сейчас мирно, второго завели. Ну, все прям как у ее бабки! Один к одному!.. Так что, свезло тебе сегодня, Санек, с этой спиралью: не подоспей мы с Михой вовремя, прихлопнул бы ты Моцарта на раз, как оно уже, оказывается было! А, Сань?

Саня Копилка, не оборачиваясь, вяло отмахивается, продолжает смотреть куда-то вдаль, словно медитирует. Становится явственно слышно пение соловья за рекой.

Негромко звучит мягкая, спокойная музыка.

Боря Лапа. А чего ради?.. Скажите мне, чего ради друг друга со свету сживать, когда такая красота вокруг?.. Живи, да радуйся!

Все молча смотрят на догорающий закат. Музыка становится громче. Какое-то время ничего не происходит. Затем, Боря меняет позу, чуть наклоняется вперед, хлопает ладонями себе по коленкам.

Музыка смолкает.

Боря Лапа. Ну, что? Сообразим по-быстрому? А то ведь нам с Саньком скоро ехать проверяться.

Боря Лапа решительно встает, ковляет к брошенной ранее сумке, что-то мурлыча себе под нос, достает из нее и выкладывает на стол полбуханки черного хлеба, две луковицы, несколько вареных картофелин; значительно, со стуком, выставляет бутылку с подозрительно потертой водочной этикеткой. Затем достает откуда-то из-под стола другую сумку, поменьше, в которой все звенит и брякает, достает из нее закопченный котелок, пару мисок, ложки, несколько стеклянных стопок под водку. Все это раскладывает, упорядочивает.

Саня Копилка медленно, как бы неохотно, поднимается, идет к столу.

Боря Лапа. Не люблю пластмассовую посуду! То ли дело наши стопки! *(Берет одну стеклянную стопку, дышит в нее, затем бережно протирает полый своей рубахи, смотрит сквозь нее на заходящее солнце, весь довольный собой.)* Во! Одно удовольствие из таких пить! А все эти сопливые стаканчики да тарелочки – ну их к бесу!

Раздается треск. Откуда-то сбоку, из кустов, вываливается дед Плетень, весь в траве и прошлогоднем репейнике, со старой противогазной сумкой через плечо. От неожиданности все вздрагивают, стопка из рук Лапы выпадает и со стуком падает на стол. Михей, с перепугу, почти валится со скамейки.

Плетень. Не поминай беса к ночи!

Боря Лапа. Твою-то мать, Плетень! Ты хоть на подходе голос подавай!

Саня Копилка. Вот будет кто-нибудь с ружьем на берегу, и точно тебя когда-нибудь завалит, как косолапого или сохатого, с твоими штучками!

Боря Лапа. Ты на запах, что ли приходишь или на звон посуды? Только мы бутылку на стол – ты тут как тут!

Плетень. На запах, на запах! *(Подсаживается к ним за стол.)* А еще смотрю – Серега Моцарт, как настеганный, к себе в деревню чешет, значит, думаю, опять у них с Саньком чего-то вышло, нужно пойти, поразузнать... А, Санек? Опять ты ему наkostenялял?

Саня Копилка *(небрежно машет рукой, отворачивается)*. А-а. Не дали.

Плетень. Ну, оно и правильно... А то ведь это дело-то такое... А у вас, смотрю, паренек новый появился *(пытливо смотрит на Михея)*.

Боря Лапа *(продолжает хлопотать, протирает и расставляет стопки)*. Ага. Появился.

Михей *(немного смущенно, привстает, протягивает Плетню через стол руку)*. Михей.

Плетень *(не вставая с места, небрежно, молодецки, шлепает ладонью по ладони Михея)*. Дед Плетень.

Михей. Ага... А Плетень – это потому что...

Боря Лапа. Потому что хрень всякую плетет. Из бересты да веток.

Плетень *(снимает свою противогазную сумку, кладет ее под скамейку, себе под ноги)*. А ты, поди, эту хрень поищи где еще! Ко мне за корзинами да коробами аж с Ильинска едут! А тусса берестяные? Да в них молоко сутками стоит не скисает! Куда там твоему холодильнику! Вот потому дед мой плел, отец плел, и я плету!

Саня Копилка. Ага. И языком тоже. Такого, бывает, наплетет, таких чудес распишет, что только диву даешься, где и нахватался.

Боря Лапа. Это точно!

Саня Копилка. Вот потому и Плетень!

Боря Лапа. Ладно! Дрогнем! *(Разливает водку по стопкам.)*

Плетень *(хлопает себя ладонью по лбу)*. Совсем запамятовал! Вот башка-то старая дурная! Я же к вам не с пустыми руками! *(Нагибается, поднимает из-под ног противогазную сумку, роется в ней, достает большой кусок бекона в вакуумной упаковке.)* Во! Дочь приезжала на днях, внучку младшую привезла на неделю, ну и на прокорм кое-что оставила. *(Торжественно кладет бекон на стол)*.

Михей *(спохватывается)*. Так ведь и у меня кое-что имеется! *(Встает, роется в рюкзаке, достает хлеб, пару банок каких-то консервов, майонез в гибкой упаковке и длинный, похожий на банан, огурец. Выкладывает все эти запасы на стол.)*

Боря Лапа. Вот это другое дело! А то сколько можно одним луком закусывать!

Ловко орудуя ножом, Боря быстро нарезает бекон, тем временем пока Саня Копилка чистит и разрезает луковицу, а заодно и огурец. Все чокаются, выпивают.

Михея передергивает, он хватается за грудь, откашливается.

Саня Копилка *(с шумом вытягивает носом воздух, закусывает)*. У Баранихи бутылку брал?

Боря Лапа *(закусывает)*. У нее. А у кого ты еще возьмешь?! Не в магазин же бежать Шалимовский!

Саня Копилка. Где она такой спирт вонючий берет?!

Боря Лапа. Так это у нее еще из старых запасов, «сучок» комбинатовский. И ведь все никак не закончится! Цистерну она, что ли, целую его затарить успела, пока у них там сульфит-спиртовый работал?

Плетень. И ведь, главное, где она эту цистерну прячет-то, карга старая? В огороде у себя зарыла, что ли?

Саня Копилка *(примирительно)*. Да хрен с ней! Не разбавляет лишка – и ладно.

Боря Лапа. Да и не дерет три шкуры, как андреевские за самогон.

Какое-то время все молчат, занятые поглощением нехитрой закуски. Михей достает из рюкзака бутылку с водой, отпивает из нее, ставит на стол, жестом предлагает угоститься и другим.

Тем временем солнце уже скрывается за горизонтом, однако темно не становится – наступила пора летних белых ночей, с пеньем соловьев, гомоном и щебетанием прочих птиц.

Михей. А что, мост у вас тут поблизости нигде не построить? Удобнее было бы... А то по большому мосту и правда объезд получается чуть ли не полсотни верст.

Боря Лапа (*после паузы*). Это ты, можно сказать, ниже пояса бьешь.

Саня Копилка. Вот-вот. На мозоль большую наступаешь.

Михей. Это почему?

Боря Лапа. Потому что давно уже об этом говорят.

Саня Копилка. Ага. Говорят. Губернатор даже, когда в наши края приезжал, об этом заикался.

Плетень. Тут, видишь, паря, какое дело: мост-то этот, конечно, можно было бы поставить, так ведь поставят-то его не у нас, а в Никольске. Тогда про нас совсем ведь забудут! А на хрена нам это нужно?!

Михей. А почему в Никольске?

Плетень. Потому как с Никольска-то дорога прямая идет через Таборы, на Шалимово и дальше по всем деревням, что на горе стоят. А мы-то нам самом отшибе и окажемся.

Саня Копилка. Да и как его построишь-то? Наш берег низкий, водой топит, дороги смывает то там, то здесь... И мост тоже запросто снести может в ледоход да большую воду.

Михей. А если понтонный, как у нас в Коряжме? Его же на весну и осень убрать можно...

Боря Лапа. Так ведь у вас понтоны эти катерами комбинатовскими ставят да убирают! А у нас кто будет это делать, коли Виледь наша к осени так мелеет, что и на моторке не везде проскочишь!.. Да ведь за ними и уход нужен, за понтонами-то, не то получится как в Павловске — стоят полузатопленные, и на машине по ним не проскочишь, и скот не перегонишь.

Михей. А раньше, когда большого моста не было, как люди перебирались? Его ведь только в восьмидесятых построили... По железнодорожному, что ли, переходили?

Плетень. Да, что ты, милый! Бог с тобой! Его же, железнодорожный-то, солдаты охраняли!

Михей. Да ну!

Плетень. Вот тебе и ну! Казарма у них стояла чуть поодаль, на угоре-то. А у моста караулка была. Часовые ходили взад-вперед. Поди-ка сунься!.. Да-а-а. Всю войну, и после войны еще лет двадцать его охраняли... Вброд, все вброд! И технику, и скот, и сами, как могли.

Все молча жуют, обдумывая сказанное.

Саня Копилка (*вытирает рот тыльной стороной ладони, встает из-за стола*). Ну, ладно. Перекусили, поболтали, пора и на воду спускаться. Оно хоть и светло сейчас ночами, а лучше с этим делом не затягивать.

Боря Лапа (*также поднимется из-за стола, подхватывает свои костыли*). Это точно. Вы, Миха, с дедом тут посидите, поболтайте... Плетень у нас любит разговоры разводить... Ага... Костерок раскиньте, чайку вскипятите, как полагается. А мы с Саней часика через три подгребем, рыбежи какой-никакой привезем, ушицу заварганим.

Саня Копилка. Лодку мы мою берем. Эту вам оставляем. Мало ли, кому за реку захочется – перевезете.

Плетень. Перевезем! Будьте покойны! А то как? Чай не в первой по ночам на лодке плавать. Я и свою сетешку съезжу, тряхану. Вон, Михеюшка мне поможет.

Лапа и Копилка собираются, осматривают содержимое сумки, проверяют, на месте ли ножи, запасная веревка, мешок под рыбу, негромко переговариваясь, уходят.

Михей (*показывает на лодку*). А это лодка чья?

Плетень. Эта? А-а-а. Это французская лодка.

Михей (*с сомнением*). Что-то не похожа она на французскую. Видно, что самодельная.

Плетень. Так она это... самодельная и есть. Сема Француз, наш, с Горки, ее под извоз отдал. А ему за это тротуаров деревянных наколотили вокруг дома – хоть в стаю, хоть в баню, хоть в сарай ходи в любую погоду босиком, и ног не испачкаешь!.. Правда, он сначала Казанку свою дрянную подсунуть пробовал, так ведь кое-то как у него эту выторговали! А это – хорошая лодка! Ходкая, места в ней много...

Михей. А-а-а. Тогда понятно... А днем почему сетки не проверяете? Рыбнадзор и сюда заезжает?

Плетень. Да как тебе сказать. Оно, конечно, и такое случается, но редко. Заезжали года два назад районники, котласские... Ага... Так же, по большой воде, на катере, с милицией, с оружием... Что ты!.. Шуму тут навели, всех стариков наших перепугали, срезали пару сеток, сожгли их на берегу да на камеру все сняли... Во! Вроде как работу свою выполнили... Ну, и убрались восвояси... Дочка сказывала, даже по телеку потом показали, по ихному, котласскому... А так у нас спокойно, своих рыбнадзоров нет, да и мы ведь тоже не злобствуем, лишнего у реки не берем. Так, по кустам мелочи половим, чтобы охотку отбить, и все! Оно ведь, рыбе-то не дать нереститься – что у себя самого воровать. А выставляться да проверяться ходим по ночам да на рассвете уж по привычке! Оно ведь как встарь повелось: днями все в поле с утра до ночи – страда, посевная, посадочная, а ночью, уж кому невтерпеж, можно и порыбачить. Я уж тоже по старинке сетку-другую, бывает, поставлю по высокой-то воде. Да и рыбки свежей иной раз отведать хочется...

Михей. Да-а, интересно как у вас тут – все к полю привязано...

Плетень. А то как же?! Зимой-то потом чего жрать будешь, коли весну на реке прошлындаешь?

Михей. А ниже, до Вычегды, не спускаетесь?

Плетень. А чего нам там делать? Нам и тут воды хватает... Да и далековато...

Дед Плетень встает, начинает убираться на столе.

Плетень. Вот в прошлом году оставил мне зять свою лодку надувную, с мотором, чтобы, значит, мы со старшим внуком на рыбалку поехали, покатались. Бензином тоже хорошо снабдил, вот я и решил скататься до Вычегды, там порыбачить... Спустились мы до Усть-Виледи, вышли на Вычегду, едем себе потихоньку вдоль берега, ага,

место подыскиваем. Тут внук и говорит, мол, катер какой-то сзади нагоняет, а на нем баба платком машет. Ну, думаю, пусть себе машет! Может, она веселая, выпила там с кем-то, пляшет на палубе и машет всем подряд, радуется. А это, оказывается, вовсе и не баба! Это они флагом белым махали, нас тормозили. Ага... Подъехали, давай пытаться меня, мол, кто такие, есть ли документы да почему без жилетов... Кое-как отбрехался от них!.. А тут какой-то, совсем молоденький, спрашивает: «А где у тебя, дед, конец Александрова?» А что мне сказать?! Я концов-то всяких на своем веку повидал, а вот про такой не слыхивал. «Вон, – говорю, – на носу лежит». А там у меня веревка смотанная валяется, и к ней кирпич здоровенный привязан, вроде якоря... Ну, покрутили они пальцем у виска-то, что, мол, с такого взять, да и отступились... Правда, наказали убираться подобру-поздорову и больше им не попадаться. Что делать? Развернулись мы да обратно поехали, к деревне своей поближе... Больше я туда уж не суюся.

Дед Плетень заканчивает прибираться, садиться на скамейку рядом с Михеем. Лезет в карман за папиросами, достает одну, сминает на манер «козьей ножки», закуривает.

Плетень. Сходи-ка дровишек пособирай для костра, а то сумерки-то потом погуще будут, худо видать, если не у самой-то воды.

Михей (*озирается по сторонам*). А где?

Плетень (*указывает рукой*). А вон там, по кустам. Там плавника полно валяется, еще с прошлых годов, когда вода выше стояла.

Михей (*направляется к кустам, громко трещит, появляется с небольшой охапкой сухих сучьев и палок, спрашивает на ходу*). А в непогоду, осенью, например, вы где дежурите?

Плетень. А нигде.

Михей (*бросает плавник у кострища*). Как это?

Плетень. У нас ведь дома недалеко, сам, чай, не слепой, видишь. Баба Маня хоть и старая, уж под сто лет, а слух да зрение у нее получше моего! Вон (*указывает рукой*), в той, крайней, избе живет. И сейчас, поди, в окно таращится да гадает, кто ты такой есть. Если кричат из-за реки и никто наши-то не откликается, так она уж выйдет да направит кого-нито. А если с этого берега кому переправиться приспичит, а на берегу нет никого, так она и укажет, к кому идти проситься. А так-то у нас все кто-нибудь тут околачивается неподалеку. Крикни только (*кричит*): «За реку!»

С противоположного берега раздается ответный крик «За реку!»

Михей. Ух, ты! Эхо, что ли?

Плетень (*с недоумением*). Да какое на хрен эхо! У нас его тут отродясь не бывало! Берег тот пологий, песок да кусты! Это кричит кто-то.

С противоположного берега снова доносится «За реку!»

Плетень. О! Точно так! Глянь-ка, Михеюшка, кого это там принесло к ночи? Голос чой-то незнакомый... Я-то со своей куриной слепотой ничего, парень, уж не вижу!

Михей внимательно вглядывается в противоположный берег.

Михей. Да, вроде, двое их там. Свету мало, не могу лучше разглядеть.

Дед Плетень прикладывает руки рупором ко рту, кричит.

Плетень. Кто?!

Девичий голос с другого берега. Да это я! Аня Шишкина!

Плетень. Ишь ты! Аня она Шишкина! А кто у нас у нас тут по деревьям Шишкины-то? *(На мгновение задумывается, потом в сердцах хлопает себя ладонью по лбу.)* Так это ж Анютка! Чиполины дочка младшая! Вот я старый пень! Совсем запамятовал! Поехали, Михеюшка, перевезем ее!

Михей отвязывает лодку, забирается в нее, садится за весла. Дед Плетень сталкивает лодку, забирается сам, усаживается на носу, откуда-то из-под ног достает короткое весло.

Плетень. Ты греби смело! Не оглядывайся за спину-то. Я лодку направлю, куда надо, да и тебе подмогну малость.

Начинают грести, Михей – штатными веслами, сидя спиной по ходу движения, дед Плетень – сидя на носу, орудуя веслом, как индеец в каноэ. Скрываются из виду, слышен плеск весел, затем – девичий смех и неразборчивые голоса. Снова плеск весел, лодка появляется, в ней – Михей и Плетень на своих местах, на корме сидят, обнявшись, Аня и Валера.

Плетень. Ну, это понятно. А поздно-то так почему? Танцы-то уж давно закончились! Не страшно ночью-то бродить?

Аня. Не танцы, а дискотека! Танцы *(фыркает)*! В клубе она закончилась, так ведь музыка у нас теперь всегда с собой! Хоть где танцуй... А бояться мне нечего – меня Валера провожает. Мы с ним уже давно дружим.

Аня плотнее прижимается к Валере, который начинает поглаживать ее рукой по спине.

Лодка тем временем тыкается в берег. Первым выбирается сидящий на носу дед Плетень, подтягивает лодку, за ним выбирают все остальные.

Плетень. А Валера-то у нас чей сам-то будет?

Валера *(немного застенчиво)*. Да, я с Никольска. Коростелев.

Плетень. А-а-а, ну-ну. Есть такие... Коростелевы... Так ты, поди, обратно скоро вернуться будешь?

Валера *(неуверенно)*. Ну да... Наверное...

Аня. Будет, будет! Вы, деда, тут пока будете?

Плетень. Ага... Будем... Пока...

Аня. Ну, вот его и перевезете обратно.

Плетень. Да, уж перевезем...

Аня и Валера, в обнимку, направляются к деревне, целуясь на ходу, скрываются из виду, слышится повизгивание и веселый девичий смех.

Плетень (*глядит им вслед, качает головой*). Ишь оно как! Давно ли Чиполина сама замуж выскочила, а уж и младшенькая ее с парнями по ночам гуляет! Скороспелые нынче девки-то! (*Стоит так, какое-то время, с блуждающей улыбкой, потом спохватывается, оборачивается к Михею*.) Ну что? Пора и нам скататься, снасть мою проверить! А уж потом и костерок запалим, и чайку вскипятим!

Дед Плетень ищет свою сумку, находит, усаживается на скамейку, проверяет ее содержимое. Михей стоит возле лодки, ждет.

Михей. А Чиполино – это потому что на луковицу похожа?

Плетень (*рассеянно*). Какая луковица?.. А-а-а, ты про мать-то Анюткину?.. Не-е. Тут другое. Звать ее Поля. Полина! Потому и Чиполина. Ее так прозвали еще когда она в школе училась, девчонкой была. Так к ней это и пристало на всю жизнь – Чиполина.

Михей. И что, у вас в деревнях окрестных все клички имеют?

Плетень (*отложил сумку, задумался*). Да, почитай, что все. Разве что совсем стариков, которые очень уж уважаемые, по имени да отчеству кличут. Ну, вот как Маня наша, к примеру, баба Маня – и никак иначе! (*Встает, надевает сумку через плечо, не спеша ковыляет к лодке*.) У нас ведь даже директор совхоза – уж куда как шишка – и тот звался Вася Банах! А почему?! (*Вопросительно разводит руками*.) А потому, что отец его, еще когда совсем молодым был, подглядывал раз за бабами в бане, а те выскочили да кипятком-то в него из шайки плеснули. Ну, тот побежал от них и орет: «Ба-а-а-нах!»... (*Также неторопливо, забирается в лодку, усаживается на корме*.) Уж чего он там хотел крикнуть – не ведомо, а Банах этот так к нему и приклеился, что банный лист к заднице... Ага... И к сыну его перешел, Василию! И внука его, Серегу, так Банахом и кличут!.. А уж кака их настоящая фамилия-то, я теперь и не упомяну. Родовитая какая-то... У них ведь, старики говорили, в роду-то кто-то из графьев был! Да... Из сосланных при Екатерине или при Павле ли... Карягины?.. Нет, не Карягины... Как-то по-другому... Плох стал памятью! Башка совсем не соображат!.. Вот в округе нашей всех до единого в лицо знаю, от мала до велика, а вот кого как зовут, могу и не вспомнить... А уж про фамилии даже и не заикайся!

Михей, стоявший до этого у лодки и молча слушавший, спохватывается, сталкивает лодку, усаживается за весла.

Михей. Может, Куракины?

Плетень. О! Точно! Куракины! А ты откудова знаешь?!

Михей. Так ты же сказал, что фамилия графская...

Плетень. А-а-а. Ну-ну... А я-то совсем запамятовал. Вот ведь, старость – не радость! Но вот внучка мне сейчас упражнения всякие показала, ага, для памяти, на этом, на компьютере... Привезла с собой такой, знаешь, открывается который, как чемоданчик.

Михей (*начинает грести*). Ноутбук.

Плетень. Вот-вот... Он самый... «Занимайся, – говорит, – дедушка! И будешь все помнить!» Так мы с ней что ни день, то одно поделаем, то другое... И ведь, правда, лучше стал соображать-то!.. У-у-у! Что ты! Так башка ясной и становится!

Дед Плетень лезет за папиросами, сминая одну на свой манер, сует в рот, достает из кармана коробок спичек, чиркает, прикуривает, сует обгоревшую спичку в карман, коробок отшвыривает далеко за борт.

Михей перестает грести, провожает взглядом коробок, уносимый течением, однако, ничего не говоря, снова продолжает грести.

Звучит спокойная музыка, лодка скрывается из виду. Свет на сцене становится приглушенным, имитируя летнюю белую ночь.

Картина четвертая

Продолжает звучать все та же музыка, свет становится ярче. На сцене ничего не изменилось. Слышится скрип уключин, плеск весел, появляется лодка, в лодке – Михей и дед Плетень. Музыка стихает.

Плетень. А то, что сон тебе чудной приснился, так это, Михеюшка, место здесь у нас такое. Лапа-то вон, бывает, в погожий день, тут на лавке с утра до вечера дрыхнет да улыбается во сне. Да и со мной такое случалось, чего уж греха таить.

Лодка пристает к берегу, но Михей с Плетнем не спешат из нее вылезать. Михей укладывает весла вдоль бортов, слушает деда.

Плетень. Я, одначе, не люблю про сны-то разговаривать... Ага... Нюрка, коза зловредная отучила меня.

Михей. Как это?!

Плетень. А так! Перевозил я ее, как-то раз, так же по весне, с того берега. Она, вишь, рассады всякой нарастила у себя и в Ильинск ездила торговать ее на рынке, вот к вечеру-то и возвращалась. Спешит еще, главное дело, куда-то! Меня торопит! Я ей сдуру-то и посоветовал весло вот это, короткое взять да подгрести, коль ей так скоро нужно. Мол, староват я уже, чтобы шибко-то быстро грести. Вот, плывем мы, значит, ну, и зашел у нас с нею разговор о снах-то, как сейчас с тобой. Она мне и жалится, мол, давно уже во сне не летала. А так, говорит, хочется! Ну, я ей, дуре, и объясняю, что, мол, во сне люди летают, когда растут. Вот дети, например... Ну, или с молодыми тоже случается... А если, говорю, расти вширь-то то, говорю...

Сделав паузу, дед Плетень, начинает выбираться из лодки.

Михей (*пропуская деда*). Так чего говоришь-то?

Плетень. А ничего! Не успел я договорить. Так вот, сбоку, веслом и прилетело!

Михей. Ну?!

Плетень. Вот тебе и ну! И ладно, что сам-то из лодки вывалился – она же меня обратно и за шиворот затащила, так ведь челюсть свою вставную утопил!

Михей. Вот так да!

Плетень. Ага. Вот и говори после этого с бабами про такое!

Оба выбираются из лодки, Михей привязывает ее к колу, дед Плетень направляется к столу, на ходу снимает с себя сумку.

Плетень (*бросает сумку под стол, садится на скамейку*). Да и хрен с ней, Михеюшка, с этой рыбой! В другой раз, глядишь, чего попадетсЯ. Да и Лапа с Копилкой, поди, не пустые предут, угостят меня, старика. Ухи похлебаем, под рюмочку-то... (*Блаженно улыбается, обратившись лицом куда-то в небо.*) Хорошо как! Спокойно!

Михей подходит к кострищу, ногами разгребает старые угли, начинает готовить принесенные им дрова.

Михей. Ну, спичек, надо полагать, у нас теперь нет.

Плетень. Да как нет-то?! Бог с тобой! Нешто я без спичек на реку пойду? (*Начинает ощупывать свои карманы, лезет в один из них, достаёт обгоревшую спичку.*) Вот те на! Это как так?! А спички я куда дел?

Михей. А ты их за борт выбросил.

Плетень (*продолжает недоуменно таращиться на обгоревшую спичку.*) Выбросил?! Как так выбросил?!

Михей. Ладно. Не парься! У меня в рюкзаке где-то зажигалка была. Даже, по-моему, не одна. (*Идет к рюкзаку, роется в нем.*) И что, у вас всегда вот так спокойно? Никто не шалит, не пакостит? Ну, кроме Серёги Моцарга.

Михей, с зажигалкой в руке, возвращается к костру, садится на корточки, пытается разжечь.

Плетень. Ты возьми-ка, парень, бересты, так дело-то у тебя лучше пойдет. Вон между чурбаками мешок лежит – я обрезки берестяные приволок на растопку... А пакостить... Как без этого? Всякое бывает... Но нынче-то, я тебе скажу, спокойнее стало, не то что даве, в перестройку-то. Тогда ведь, как хозяйство совхозное рушить начали, народ-то ведь, что дикий, все тащил. Даже бандюганы залетные наезжали!

Михей (*продолжает хлопотать у костра*). Да ты что?!

Плетень. Да! Вот ведь как было!.. Да и в советское-то время, тоже случалось всякое. У нас ведь паром-то хороший годах в восьмидесятых только сделали да наладили, когда совхоз наш в самой силе был. А до того мы же на лодке вот и возили людей, как сейчас возим. Или, иной раз, баржу с катером у сплавщиков выпрашивали, чтобы трактора на покос перегнать, если вода высоко стояла от дождей-то.

Михей. Вон оно как! Так это у вас старинный промысел?

Плетень. Вот-вот. Истинно так. Старинный промысел и есть. Встарь еще повелось, что деревня наша перевозом промышляла. Лодками, плотами да паромами... Всех возили – и людей, и лошадей... Всякое бывало... Вот со мной тоже раз случай вышел...

Михей (*уже разжег костер, заинтересованно подсаживается к деду на скамейку*). Ну-ну?

Плетень. Было это году в семьдесят третьем... Или семьдесят четвертом? Ну, у меня тогда как раз только дочь родилась. Осень на дворе. Ага. Конец сентября ли... Или октябрь уж был... Не помню точно. Ночи темные – хоть глаз выколи! А в тот день я как раз вроде как за лодочника и был. Дождь моросит. В деревне все спят, я уж и сам ложиться собрался, а тут кричат с того берега. И не как у нас заведено было «За реку» кричать, а что-то свое... и так, знаешь, негромко, не во все горло, а как будто просто окликают. Я едва расслышал...

Ну, делать нечего, надо ехать. Может, у людей беда какая? Иначе зачем кто-то по такой погоде в ночь кинется?

Михей. И поплыл? В темноте?

Плетень. Ну как в темноте... Фонари у нас какие-никакие всегда были, и керосиновые, и на батарейках... Вот... Подгребаю я, значит, к берегу-то, смотрю – мужик незнакомый, не нашенский, вроде как, в спецовке рабочей, только черной, фуфайке, кепке, сапогах кирзовых... Смекнул я тут, и боязно мне стало! Зек!

Михей (*оторопело*). Как зек?! Какой зек?! Заключенный, что ли?!

Плетень. Ну ты спрашиваешь! А кто еще-то?! Зек – он и есть зек! У нас же тут раньше лагерей полно было. Почитай, вся железная дорога до Воркуты ими и построена... Зек! Насмотрелся я их, в мое-то время! И сразу видать, что сбежавший – грязный весь, исхудавший, промокший, рожа обросшая... Нашивка с номером на фуфайке оторвана, да все одно видно, что она там была.

Михей. И что делать стал?

Плетень. А что тут подделаешь? Я пока разглядел, лодку уж к берегу вынесло. Тот в воду прыг, по пояс, и ухватился за веревку, пока я одуматься не успел да развернуться. Лодку подтянул повыше, залез в нее. «Перевези-ка меня, – говорит, – мил человек, на тот берег». Не грозит. Вроде как просит даже. Ну, и поехали мы...

Михей. И что? Откуда он сбежал? Рассказал хоть чего?

Плетень. Ну, переговорили мы с ним. Я вижу – человек он незлобный, не уголовник, душегуб какой-нибудь, робеть-то перестал и спрашиваю его прямо в лоб: «Откуда бежишь?»

Михей. А он чего?

Плетень. А он и запирается не стал, смекнул, что я уж понял, разулся, воду выливает из сапог, портянки выжимает да и говорит: «А тебе какое дело? Бегу и бегу, никого не трогаю. И ты греби себе покудова». Вот я и гребу потихоньку, молчу, он обулся и спрашивает: «А ты скажи-ка мне лучше вот что: нельзя ли у вас в деревне где до утра перекапаться, пообсохнуть?.. А то я что-то совсем выдохся, сил больше нет. А если что мне пожевать принесешь, то и вообще тебе благодарен буду».

Михей. И что? Помог ему?

Плетень. Помог. В баню нашу старую его провел. Дом-то мой, вишь, и без того самый крайний в деревне, а баня, та вообще на отшибе стояла, под горой у ручья. Ветхая была, мы в ней уж не мылись, а так пользовали, для хозяйства – стирались, грибы-ягоды сушили. Вот я его огородами туда и провел, окошко завесил, керосинку ему оставил, дровишек сухих принес да велел только ими печку и подтопить, хлам всякий не жечь, чтобы дыму лишнего из трубы не пускать.

Михей. И подкормил?

Плетень. А как? Что мы, нехристи, что ли, какие? Человек едва жив с голоду да с устатку! Вынес ему потихоньку с избы что у нас от ужина оставалось да в погребке кое-какой припас прихватил... Поел он, отогрелся малость да и разговорился...

Михей. Ну-ну?

Плетень. Он ведь... чего... с участка рабочего убег.

Михей. Да ну!

Плетень. Да-а! Они ведь, зеки-то, и комбинат ваш бумажный и строили, а не комсомольцы какие, как везде тогда трезвонили! Строгого режима зона-то была! Да посереде самого поселка и стояла!

Михей. Это точно. Было такое дело. Сейчас ее за город, в лес перенесли.

Плетень. Вот-вот. Это сейчас. А тогда их автозаками возили на стройку, да и по всему району, где работу какую для них находили. Вот он – Андруха ли, Петруха ли, уж не вспомню, как его звали – с таких работ и убег! Да несколько дней по лесам-то и бегал.

Михей. А бежал куда? Просто так ведь долго не набегаешься!

Плетень. Вот и я у него то спросил. Он и тут запираться не стал, видит – раз так помог ему человек, то ментам-то его сдавать не будет. «В Кировские леса, – говорит, – решил податься, к своим родным местам поближе. Есть там и урочища глухие, и избы охотничьи, еще батей моим поставленные, и инструмент кой-какой, и припасы. Отсижусь там первое время, с голоду не подохну. А там, глядишь, и поквитаться получится кое с кем. Для того и бегу».

Михей. В Кировские леса?! Ничего себе! Это ж как туда добраться-то отсюда, да еще и тайком?

Дед Плетень поднимется со скамейки, подходит к костру, с оханьем нагибается, подкладывает в него сухих сучьев, садится на ближайший к костру чурбак.

Плетень. Да ничего мудреного! Угор наш Шалимовский так над всей округой (*машет сухой веткой, указывая направление*) и тянется – через Христофорову пустынь, Едому, Вершины... до самого Котласа. Если края его держаться – с пути не собьешься. Места дремучие, конечно, но в старину, до революции еще, так наши вилегодские мужики в Котлас да Сольвычегодск на телегах и добирались – на базар или ярмарку какую, или по судебным делам, а то и рекрутов в армию отвозили. Путь-то этот, почитай, в два раза короче будет, чем ежели реками добираться. Да и в лодке ведь корову или лошадь не увезешь!.. (*Печально вздыхает, качает головой.*) Заросла сейчас та дорога за сотню-то лет. Между Пустынью и Едомой и следов от нее не осталось, но пешком-то пройти можно! А от Пустыни поверни к югу по зимникам да усам лесовозным, так как раз в Кировские леса-то и выйдешь. Не так уж и далек путь-то! Хотя, понятно дело, привычку нужно к этому иметь, по тайге-то глухой бродить. Так я ему все это и сказал, но он и без меня уж знал, потому через нашу деревню и пробирался.

Михей (*подсаживается к костру на соседний чурбак*). А посадили его, надо думать, ни за что. У нас же сидельцы все без вины виноватые, кого не спроси.

Плетень. Известно дело! Кто же себя самого винить будет?.. Спросил я его – сказал, что оговорили его, за убийство посадили, а убил-то другой да на него и свалил. В лесу у них там чего-то вышло... Из-за угодий охотничьих да рыбацких или еще из-за чего – не знаю. У нас ведь тоже раньше такое бывало... А то, может, и вообще из-за бабы! Однако, как я рассудил, не врал он мне. А то бы зачем он сбегать-то стал, обидчика своего искать? Это ж как надо, чтобы от несправедливости такой в душе все загорелось!..

Михей (*подправляя палкой мелкие дрова в костре*). Так не искали его у вас или по соседним деревням?

Плетень. Искали! Как не искали?! Что ты! Зек сбежал – это ж целая история! Солдаты-краснопогонники, с собаками, с автоматами, еще какие-то мужики... Сами вроде как гражданские, а посмотришь –

автомат, без приклада который, за спиной болтается... На другой день и объявились – какие на машинах, через Черемуху, а какие и на другой берег вышли по следу его. Тоже перевозить пришлось, той же лодкой.

Михей. И чего вызнали? Рассказал им про него?

Плетень (*почесывает затылок*). Да как тебе сказать... Я бы так и молчал себе или запирался бы, мол, не видал, не слышал, не ведаю... Так ведь какая-то сволочь заметила нас да указала на меня! Я, пожалуй, даже знаю кто... Пришли ко мне и давай пытаться, мол, знаем мы, перевозил ты вчера беглого, люди видели. Рассказывай, куда тот подался?! Ну, вижу я, запирается не получится. Да, говорю, перевозил – в темноте ведь не видно, что за человек такой! А куда он дальше подался – не знаю. Вроде как, говорю, вверх по Виледи, в сторону Коми.

Михей. Так, а собаки их чего?

Плетень. А чего собаки... С собаками уже без толку было искать – под утро, как он ушел-то, такой ливень ударил, что никаких следов не осталось... Пытались, конечно, но куда там!

Дед Плетень поднимается с чурбака, идет к столу, гремит там посудой, откуда-то извлекает помятый закопченный чайник.

Плетень. Сходи-ка еще дровишек пособирай. Чайник вскипятим. Я листа молодого смородинного по пути нарвал, заварим. Вкусно!

Михей встает, идет в кусты собирать плавник. Дед Плетень подходит к кромке воды, споласкивает чайник, наполняет его, прихватывает со скамейки фуфайку, которую Лапа использовал в качестве подушки, идет к костру, пробует на прочность рогатины, подвешивает чайник над костром, затем расстилает возле костра фуфайку, ложиться на нее боком, подперев голову рукой, смотрит на пламя. Михей возвращается с небольшой охапкой сухого плавника, бросает его рядом с костром, отряхивает ветровку от приставшего мусора.

Плетень. А вообще я тебе так скажу: плохо это вот так-то, когда внутри человека бес сидит да гложет его, гонит его в ночь да в непогоду... Слеп становится человек, застит ему злость глаза-то... Со мной, слава богу, такого не случилось, а ведь тоже всяко в жизни бывало...

Михей идет к столу, возвращается со своим туристическим ковриком, сдвигает в сторону чурбаки, расстилает коврик, ложится на него, подобно деду, но по другую от него сторону. Беседуя, оба они иногда подкладывают в костер сухие ветки и сучья.

Михей. А ты что, в Бога веришь? И в беса?

Плетень (*удивленно взирает на Михея*). А ты нешто не веришь?!

Михей (*делает неопределенный жест рукой*). Ну, так... Верю, что есть что-то такое... Бог не Бог – не знаю... В общем, сила некая всевышняя...

Плетень (*назидательно поднимает палец*). Во-о-от! Всевышняя!

Михей. И как-то она, сила эта, жизнь нашу, по-своему устраивает. Интерактивно, так сказать.

Плетень. Это как это?!

Михей. А так. Только ты людям нагадишь, зло сотворишь, тут тебе обраточка и прилетит, каким-нибудь образом... Ну, может, не тут

же, но потом, позже, все равно тебе это припомнится. Там (*указывает пальцем куда-то вверх*), я думаю, все фиксируется и записывается.

Плетень (*немного помолчав*). Это ты говоришь почти как Мудрик наш.

Михей. А он кто, ваш Мудрик?

Плетень. Мудрик-то? Ну как... Мудрик – он и есть Мудрик. В Шалимово живет. Пришлый он, не наш. Из города приехал, поселился там несколько годов назад. Умный, как утка. Ага. Ему бы в профессора, а он – сюда, к нам. Ему, вишь, тут шибко нравится. А чем нравится – непонятно. Все одно не рыбачит, не охотится, грибов-ягод не собирает... Так, по лесу, бывает, побродит, и все чего-то пишет, или читает, или на компьютере тарабанит... Правда, людей не сторонится. Прийти к нему, вот так запросто и поговорить, спросить что-то, иной раз – одно удовольствие!

Михей. И что он говорит про силу эту всевышнюю?

Плетень. О-о-о!.. Это ведь целая картина получается, как он, Мудрик-то, все это мне расписал! У меня так и не получится... Вот если просто, своими словами...

Плетень ложится на спину, обратившись лицом в небо, по ходу рассказа разводит руками, как бы расставляя все по местам. Негромко звучит мягкая музыка.

Плетень. Вот если ты подымешься над землей-то, высо-о-око, не телом, душою, то увидишь там, в темноте пустой, все небесные светила... Видимо-невидимо их там! И малюсенькие, и побольше... и цветов разных, как камни драгоценные кто рассыпал. Вон там, где-то впереди да слева – Луна. Большая, желтая, как и положено ей. А Солнце, стало быть, за спиной, Землей закрыто, потому как ночь сейчас...

Михей так же ложится на спину, смотрит в ночное небо.

Михей (*поднимает левую руку, указывает*). Вон там?

Плетень. Ага... А чуть ближе к нам, тоже слева, как бы окно такое... Даже не окно, а как будто бы нора... И исходит из той норы сияние благодатное... Как к ней поближе окажешься да заглянешь краем-то глаза, так и обомлеешь: все в ней сверкает и переливается светом голубым да искорками, все кружится и переплетается! И даже как волна оттуда исходит невидимая и обдает тебя благодатью!

Михей. А, да... Точно! Вижу что-то такое!

Плетень. А перешагнуть-то за этот порог никак нельзя, потому как попадешь ты туда только после смерти!.. Ну, это... как сказать-то... не ты, а вроде как душа твоя. А Мудрик-то говорит, что твое сознание, а по мне так думается, что душа. Да и то попадет, если только достоин ты будешь этого, если накопил ты за жизнь свою чего-то, что может добавиться к этому сиянию, – знания какие-то или душевное что-то... Потому как сияет там, в пещере этой, и переливается вся мудрость вселенская и знание всего-всего, что только есть на этом свете и на том, видимого и невидимого! И все, что накопил ты в себе за жизнь, хорошего, мудрого и разумного – ничего не пропадает даром, все там оказывается! И растворится твоя душа в этом сиянии! И станешь ты сам частью этой вселенской мудрости и разума! И не будет для тебя более секретов ни в чем, потому как станет тебе все-все ведомо!

И сможешь ты находиться, в одно и то же время и там! *(Указывает рукой в одну часть неба.)* И там! *(Указывает в другую часть неба.)*

Михей. Здорово! И везде!

Плетень. И везде!

Михей. А другие, кто ничего в жизни своей хорошего не накопил?

Плетень. А они, я так думаю, просто умирают, и все! Ничего от них не остается!

Михей. А что потом, спустя время?

Плетень. А вот Мудрик-то и сказал, что не будет для тебя никакого времени! Будет вечность!.. Вечный покой и умиротворенность! А вот только я думаю, что выплескиваются брызги от этого сияния, ма-а-аленькие такие, и вселяются они в существа живые здесь, на Земле, или еще где... Ведь звезд-то вон сколько! Мудрик говорит, что песчинок на Земле меньше, чем звезд на небе. Где-то ведь есть она еще, жизнь-то! И потом снова они вертаются в это сияние и несут с собой что-то еще!

Михей. А у тебя есть, что принести с собой?

Плетень. Найдем!

Михей. А мне нравится вот такой расклад! Вот в это я готов поверить! В рай не верю, а в это – могу!

Звучание музыки усиливается, становится более объемным, всепоглощающим, свет на сцене меркнет, превращаясь в световую мишуру и мельтешение. Затем гаснет совсем.

Занавес закрывается.

Действие второе

Берег реки Виледь у деревни Горка. Конец сентября, пора «золотой осени» – лес переливается под солнцем яркими осенними красками, то и дело доносятся крики гусиных косяков, летящих к югу.

Все тот же стол, скамейки кострище, привязанная к колу лодка. Вода после весеннего паводка упала, и кол теперь переместился на несколько метров от стола. Никого нет.

Откуда-то с противоположного берега несколько раз раздается крик «За реку!». Со стороны деревни появляется баба Маня, одетая по сезону, очень тепло. Она вглядывается в противоположный берег, растерянно семенит взад и вперед, как курица крыльями, хлопает руками себя по бокам.

Баба Маня. Куда же это Семен-то подевался, паразит такой?! Или оглох он совсем, что ли? Может, у людей случилось чего, а он, на-ко, домой убежал! *(Останавливается возле лодки, задумчиво на нее смотрит.)* Опять, что ли, самой плыть? *(Махнув рукой.)* А и сплаваю! Нешто мне привыкать?!

Баба Маня, с кряхтением, отвязывает и сталкивает лодку, забирается в нее, садится на весла, ловко гребет ими. Лодка скрывается из виду. Спустя какое-то время, лодка появляется снова. Баба Маня сидит теперь на корме, веслами гребет Михей, одетый в теплую спортивную куртку и спортивные же штаны. На голове его – легкая шапочка, на ногах - кроссовки.

Баба Маня. Имя у тебя какое смешное – Михей! Сколько лет живу, а не слыхала такого. И в святцах не упомяну. Ты, может, не русский?

Михей (*широко улыбаясь*). Да русский я, баба Маня, русский!

Лодка причаливает, Михей проворно из нее выбирается, потягивает повыше, привязывает веревкой к колу, помогает выбраться бабе Мане.

Баба Маня. Поди-ка ты! И меня, что ли, знаешь?!

Михей. Так ведь кто же еще может из-за реки перевезти, если никого больше нет на берегу?! Только баба Маня! Я это еще весной усвоил!

Баба Маня. Постой-ка, милоч! Так это ты с Лапой-то в мае тут на берегу околачивался не один день?

Михей. Точно! Я.

Баба Маня. А-а-а, ну-ну. А я-то тебя в такой одежде не признала.

Михей. Бывает. А где Боря? И чего это у вас тут не дозовешься никого?

Баба Маня. А Боря-то, милоч, занят сегодня. Они с Копилкой огород вспахать кому-то в Шалимово нанялись, так Семен сегодня, Француз-то который, людей перевозит... Так ведь и не перевозит! Провалился куда-то, паразит такой!

Михей. Как это огород вспахать?! На себе, что-ли?

Баба Маня (*машет рукой*). Да что ты! У них ведь этот... как его... мотоплух! Вот!

Михей. А-а-а! Вот оно что!

Баба Маня. А то как?! Он ведь, Боря-то, рукастый! Не смотри, что на костылях скачет, – токарем у нас работал в совхозе, в мастерской ремонтной!

Михей. Да ну!

Баба Маня. Вот тебе и ну! Лучше токаря, говорят, во всей округе не было! И любую железяку может отремонтировать, хоть ты ему трактор, а хоть машинку швейную подавай. Вот они с Копилкой-то этот свой мотоплух и сделали! Теперь подряжаются огороды перепахивать.

Михей. А осенью зачем пахать?

Баба Маня. Так оно, милоч, и осенью хорошо – все сорняки да гниль-то всякую наверх-то повыворачивают, так оно все за зиму и по-вымерзнет! А кто и с навозом свежим перепахивает, чтобы сопрел к весне-то. Мне-то они самой первой вспахали, так теперь в Таборы или в Казаково с утра-то и подались.

На последних репликах бабы Мани на берегу почти неслышно появляется Сема Француз. Он молча усаживается на скамейку за спинами Бабы Мани и Михея, прислушивается к разговору.

Сёма Француз. Ага. В Таборы они и подались. Нет чтобы мне перепахать! Уж сколько с ними договаривался!

Баба Маня и Михей вздрагивают от неожиданности, оборачиваются к Семе.

Баба Маня. Так ведь ты все норовишь так вывернуть, чтобы тебе задарма все сделали! А оно так не бывает!

Сёма Француз. Но тебе они задарма-таки и вспахали!

Баба Маня. Да ишо бы они мне не вспахали, коли я с ними еще с грудными нянчилась, пока матери их по работам с утра разбегались!..

А вот где это ты, ирод такой, шляешься? И что это я за тебя должна людей перевозить?!

Сёма Француз (*без тени смущения*). Занят был. Мне как раз дрова привезли. Нужно же было проконтролировать! А то в прошлом году заказал Хохлу горбыля, так он, подлец, пока я в Ильинск по делам ездил, мне одной рейки целый КамАЗ привез и вывалил прямо на дорогу!

Баба Маня (*со смешком*). Во как! Хохол тебя обдурить умудрился?!

Сёма Француз. Ага, как же! Обдурить! Я потом с него еще и березы колотой вытянул, вроде как в придачу.

Баба Маня. Ну ладно. Некогда мне с тобой лясы точить. Пойду. Дел еще полон рот. (*Михею.*) Ты, Михеюшка, побудь тут пока с Семеном, а там, глядишь, и Боря подойдет.

Сёма Француз. Подойдет, подойдет. Мы с ним договаривались.

Баба Маня, что-то негромко бормоча и качая головой, уходит. Михай подходит к столу, протягивает Семе руку.

Михей. Михай.

Сёма Француз (*вяло пожимает руку*). Семен.

Михей присаживается на скамейку рядом с Семой.

Сёма Француз. Так это ты с Лапой и Копилкой тут весною бичевал?

Михей (*немного обиженно*). Почему бичевал? Я в отпуске был, на велике путешествовал, вот и задержался у вас тут немного.

Сёма Француз. А-а-а. Ну-ну... Скоро нам тут незачем будет на берегу сидеть да людей возить.

Михей. Как это?!

Сёма Француз. А так. Мост будут строить от Никольска к нашей дороге. Обещали, что в следующем году поставят.

Михей. Так ведь Саня говорил, что нельзя тут мост строить – снесет его ледоходом!

Сёма Француз (*передразнивает*). Саня говорил!.. Он тебе еще не то наговорит! С его ли расколотой головой в такие дела лезть?! Там ведь, наверху, не совсем дураки сидят! Что-нибудь да и придумают.

Михей (*немного поразмыслив*). Так ведь по большой воде все равно нужно будет как-то переправляться!

Сёма Француз. Ну да. Нужно. Вот только что по большой воде. Ну, и это мы еще посмотрим.

Сёма поднимается со скамейки, подходит к лодке, придирчиво ее осматривает.

Сёма Француз. Лодку мою видишь, как уже всю покоцали! А ведь обещали: «Бережно будем пользоваться! Бережно!» (*Склоняется к лодке, проводит руками по борту.*) Ничего. Скоро заберу ее.

На берегу появляется Боря Лапа, останавливается возле стола, сбрасывает с плеч старый, потрепанный и дырявый рюкзак, поднимает один костыль и направляет его на Сему, словно ружье.

Боря Лапа (*грозно*). Куда это ты ее заберешь?! А уговор забыл?!

Сёма Француз (*вздрагивает от неожиданности*). А что уговор, если вы ее всю поцарапали да гвоздями издырявили?!

Боря Лапа (*ловко крутанув костыль несколько раз в воздухе, опускает его, прислонив оба костыля к столу, присаживается на край скамейки*). А ты что хотел, чтобы на ней только ангелы бестелесные плавали?! Тебе ли не знать, как оно у нас тут бывает?! (*Оборачивается к Михею*.) Здорово, Миха! (*Жмут друг другу руки*.) Ты, Семен, ступай себе уже! А то ведь сейчас осерчаю, да уйду, будешь тут до ночи сидеть!

Сёма Француз (*обиженно*). Ага, сейчас! До ночи я буду сидеть! Как же! (*Спыхватывается, быстро уходит*.)

Боря Лапа (*со смешком*). Вот-вот! Заставишь тебя что-то задарма сделать!

Михей и Боря молча провожают Сему взглядом.

Михей. Не пойму я, что вашего Семена здесь держит. Другой бы на его месте давно уехал куда-нибудь в лучшие места!

Боря Лапа. Э-э-э, не скажи! Тут ему хорошо! Зачем ему куда-то ехать? Он тут у нас как сыр в масле катается. Как бабка говорила, «Где родился – там и Иерусалим»!

Михей. А он что, здесь и родился?

Боря Лапа. Туташний!.. (*Встает, ковыляет к брошенному рюкзаку, поднимает его, кладет на скамейку, возится с завязками*.) А что ты думаешь! Тут у нас народу всякого хватает – и цыгане, и азеры, и хохлы, и белорусы. А в Урдоме вообще половина литовцев! Они, литовцы-то сосланные, Урдому и строили после войны. Жили в землянках, лес валили, поселок строили... А ты сам-то как тут оказался?

Михей. Да вот, решил догулять остаток отпуска, а тут как раз брат на машине в Сыктывкар по делам поехал, ну и подбросил меня до отворотки. Завтра вечером обратно поедет, подберет.

Боря Лапа. А-а. Понятно. (*Начинает доставать из рюкзака принесенные припасы: полбуханки хлеба, шмат сала, завернутый в бумагу, пару вареных яиц, луковицу, помидоры, бутылку самогона*.) Во, какое богатство! Как знал, не стал деньгами брать, магарыч с собой приволок! Посидим за встречу, деда Плетня помянем!

Михей (*даже привстал от неожиданности*). Как помянем?! Он что, умер?!

Боря Лапа. Умер наш дед, умер... На прошлой неделе похоронили... Лично его за реку в последний раз перевозил... Сегодня в аккурат девятый день...

Михей (*растерянно опускается обратно на скамейку*). Вот тебе и раз!.. А отчего умер?.. Хотя что это я... Возраст, все такое...

Боря Лапа. Да что там возраст! Дед наш еще бы не один десяток протянул, кабы не инсульт.

Михей. Инсульт?

Боря Лапа. Ну да. Дочь его сказывала, что сначала в двери перестал попадать, мимо стула садился, а потом и в кому впал... Докторша приезжала из районной больницы да только руками развела, мол, на все воля Божья. Сказала, в таком возрасте из комы не выходят. Полежал дед три денечка да и помер...

Михей. Отправился, значит, в свое сияние... А за реку зачем перевозили? У вас же здесь, под боком, в Шалимово погост есть, да и в Пустыни тоже...

Боря Лапа. А так он сам наказал. Мол, старуха моя на Никольском кладбище лежать пожелала, вместе с родителями, так и меня туда же, к ней везите, как помру.

Михей. А как перевозили? Что ли на лодке?!

Боря Лапа. На двух. Досками склотили поверху, гроб промеж них и положили. А уж на том берегу зять его машину бортовую подогнал, с надгробием, памятником – все как положено. Автобус даже заказал, ПАЗик. Всех наших деревенских до кладбища и подвез.

Михей. Эх, знал бы я, так тоже подъехал бы!

Боря Лапа *(продолжает тем же тоном, словно не слыша Михея)*. А Мудрик, сука, меня еще Херуном обозвал. Ага. «Ты, – говорит, – Боря, теперь не Лапа, а Херун». Чуть ему костылем не съездил! Хорошо, Копилка удержал. Ты, мол, драки тут не затевай – не свадьба все-таки!

Михей. Как, как? Херун?.. Может, Харон?

Боря Лапа. Во-во, точно! А ты как знаешь?!

Михей. Это, Боря, вовсе не обидное! Это из мифов древнегреческих... Был у них такой персонаж, Харон. Он души умерших через реку на лодке перевозил в царство мертвых.

Боря Лапа. Вона как! Тогда понятно. Тогда это еще ничего, можно стерпеть...

Откуда-то из кустов с треском вываливается Саня Копилка, одетый так же, как и весной, только под плащом у него поддета фуфайка. В руке у него старая холщовая сумка.

Саня Копилка. Чего это ты опять терпеть собрался?.. Хватит! Натерпелись! *(Узнает Михея)*. О, привет, Миха! *(Подходит ближе, пожимает Михею руку)*. Какими судьбами?

Михей. Да, так получилось. Заглянул на пару деньков.

Боря Лапа. Слышь, Санек? А Херун-то этот... Или как его...

Михей. Харон.

Боря Лапа. Вот-вот! Харон! Он ведь, получается, не хрен с горы, а мужик древнегреческий! Вроде нас с тобой, на лодке за реку мертвых возил.

Саня Копилка *(усаживается за стол, кладет сумку на скамейку рядом)*. Что, только мертвых?

Михей. Ну да. Только мертвых.

Саня Копилка. Ну, тогда это не про нас... А вы чего это про него заговорили? Деда уже поминаете?

Боря Лапа. Выходит так. Михе, вот, рассказываю, как у нас тут все вышло.

Саня Копилка. Ну, тогда давайте уж, как положено, вином помянем!

Все трое усаживаются плотнее, начинают раскладывать закуску, Саня достает еще кое-какую снедь из своей сумки, откуда-то извлекает разнокалиберные стопки, протирает их, Боря разливает по стопкам самогон, затем встает, поднимет свою стопку, склоняет голову. Так же поступают Саня и Михей.

Боря Лапа. Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего Николая, деда нашего Плетня, и прости ему вся согрешения вольная и невольная и даруй ему Царствие небесное!

Боря опрокидывает в рот стопку, ставит ее на стол, крестится, садится. Так же поступает и Саня Копилка. Михай так же крестится, неловко и неумело, садится на место. Все молча закусьвают.

Михей. А вы что же, и молитвы все знаете?

Боря Лапа. Все молитвы никто не знает. Разве что сам Господь... Ну, и Лукавый тоже в них горазд...

Саня Копилка. Это точно.

Михей. И что, молитесь по утрам, ну, или... как там положено?

Боря Лапа. Не-е-е. Это у нас бабки так делали. Молились, постились...

Саня Копилка. Крестным ходом ходили километров по пятьдесят, а то и семьдесят! Да! Моя аж до Туровца сходить умудрилась!

Боря Лапа. Ага. А мы только так. Оно ведь лишний раз помолиться-то не помешает, когда прижмет.

Саня Копилка (Михею). А ты что, сам-то не крещеный?

Михей. Крещеный. В детстве, помню, крестили. Да только с тех пор в церкви и не бывал. В смысле в действующей, которая не музей.

Саня Копилка. Так и мы нечасто в церковь-то ходим, но молитву прочесть, оно и в правду другой раз не помешает, из тех, что с детства от начала до конца запомнил... А то ведь сколько еще обрывками помнится – и не сосчитать!

Боря Лапа. Это точно! Бывает даже во сне начну какую вспоминать, запнусь, открою старый бабкин молитвослов и вроде как снова подхватчу, в него-то глядя... Да только я и так-то без очков читать не горазд, а во сне читать и вовсе трудно – буквы-то старинные да еще и разбегаться начинают! А уж как проснусь, только и вспомню, что нет того молитвослова уж давно и куда делся – непонятно.

Некоторое время все молча что-то жуют, думая о своем.

Михей. Как лето прожили? Все ли спокойно было?

Саня Копилка. А чего у нас тут может быть? Тихо, как в болоте...

Боря Лапа. Ага. Это тебе не прежние времена, когда народу было в разы больше... Тогда, да, чего только народ не вытворял! Сейчас тишина...

Саня Копилка (после паузы). Ну вот разве что электроудочников ваших, коряжемских, шуганули маленько – все какая-то забава.

Михей (оживился). Это когда?

Боря Лапа. А как ты уехал, так недели через две, река уже почти в берега вошла... Ага... К ночи уже дело было. Мы только с Саньком проверяться собрались – оставалось у нас еще пара сетешек. Тут смотрим – снизу лодка идет какая-то надувная... И ходко так идет... Три мужика в ней, из снастей – один подсачник... Вот... Прошли, значит, они чуть выше, до поворота, мотор заглушили, по течению плывут в нашу сторону, копошатся там чего-то, ... Мы ничего понять не можем. А потом смотрим – минога из воды на берег выскакивает!

Михей. Как это?!

Саня Копилка. Натурально. Миножина – я таких крупных и не видал у нас – на песок выбрасывается и ну чесать подалее от воды! Я даже сначала подумал – гадюка или полоз маленький. А потом дошло до нас – они же, суки, рыбу током лупят!

Боря Лапа. Да еще как лупять! Мелочь кверху брюхом да на боку плавать начала!.. Ну, вскинулись мы, кричим им с берега, мол, что же вы, падлы делаете?! А те: «Все нормально, мужики! Мы еще и вам помогаем – рыбу вам в сетки загоняем!» И подсачником-то своим, смотрю, только черпают ту, что покрупнее.

Михей (*нервно ерзает на скамейке*). Вот козлы, а!

Боря Лапа. Да что ты!.. Ну, хватает тогда Санек мой костыль, выходит к самой воде, целится в них, да и орет, мол, убирайтесь к такой-то вашей матери, не то всех постреляю и лодку утоплю!

Боря привстает, хватает свой костыль, крутанув его в воздухе, прикладывает к плечу и целится куда-то в сторону реки, словно из ружья.

Боря Лапа (*невнятно, продолжая целиться*). А впотьмах да с костром за спиною не видно ведь не хрена, что там у него в руках-то!

Саня Копилка. А что еще делать-то было?! Было бы ружье, так из него бы прицелился! Да саданул бы им по баллонам, от всей души!.. (*Поучительно поднимает палец, при этом, другой рукой разливает самогон по стопкам.*) Но, я тебе скажу, и так неплохо бабахнуло! Я сам аж чуть не обделался!

Михей. Что бабахнуло?! Костыль?!

Саня Копилка. Костыль, костыль. Борька еще не то со своими костылями выделывать может!

Боря Лапа (*со смехом опускает костыль*). Да это я, для пущей важности, прыскалку от комаров, ну, баллончик такой жестяной, ты знаешь, в костер взял да и подбросил. Он уж почти пустой был – не жалко для хорошего-то дела! И так-то он вовремя там шаррахнул!..

Михей. Так ведь он и в тебя мог угодить!

Боря Лапа. Так я ведь не совсем чтобы дурак – как подбросил его, так сразу за чурочки-то и прилег!

Саня Копилка. Ты-то прилег, а мне в аккурат по заднице горлышком от него и прилетело!

Михей (*нетерпеливо*). Ну-ну! А те чего?

Саня Копилка. А чего? Ничего. Перессались они все, конечно. Сачок свой бросили, орут, кто чего, кулаками машут, мотор дернули да и ходу!

Михей. И больше не появлялись?

Саня Копилка. А то! Я бы их тогда точно всех утопил! За ружьем бы сбегать не поленился!

Михей (*задумчиво*). Да уж! Было бы смешно, если бы не было так печально.

Боря Лапа. А как не печально? Конечно печально – столько рыбы повыбили почему зря! И так-то все изгажено, а тут еще они!..

Саня Копилка (*поднимает свою стопку*). Ну ладно. Плевать на них! Давайте по второй, чтобы на двух ногах стоять. За встречу.

Все трое чокаются, выпивают, закусывают.

С противоположного берега доносится крик «За реку!»

Все трое оборачиваются в том направлении. Боря подхватывает один свой костыль, привстает, всматривается, приложив руку козырьком ко лбу.

Боря Лапа. Мужик какой-то... Сумка большая... Не могу признать. Не наш, что ли?

Михей. Может, как и я, приезжий?

Саня Копилка. Да приезжих-то у нас тут немного бывает. Вот только ты один и был за все лето.

Михей. Так, может, я сплаваю – разомнусь, проветрюсь?

Боря Лапа. А и плыви! Что нам, жалко, что ли? Только сильно-то не усердствуй, а то руки сотрешь, как в прошлый раз.

Михей. Ага. Я мигом!

Михей проворно отвязывает лодку, сталкивает ее, запрыгивает, садится за весла, гребет и вскоре скрывается из виду.

Боря Лапа и Саня Копилка усаживаются удобнее на скамейку, спиной к столу, лицом к реке, какое-то время молча созерцают.

Саня Копилка. Встретил я сейчас Серегу с Вовкой. За клюквой пошли на Шапкино болото.

Боря Лапа. Так ведь не дошла она еще!

Саня Копилка. А им хрена ли? Они ведь не для себя. Сдадут потом. Хохол уже вагончик свой пригнал, на самой отворотке к Володино поставил. Шапкино – болото маленькое, идти недалеко, пока ждешь зрелую ягоду, старухи шалимовские все уже вынесут.

Боря Лапа. Это точно... Ну?! И чего говорят?

Саня Копилка. Говорят, что победили.

Боря Лапа. А где же они были? Я ведь их полночи сидел ждал! Да ладно бы тут, у костра, а то, почитай, все время на том берегу.

Саня Копилка. А они, обормоты, как Валерку-то поучили, огородами дернули, да не в нашу сторону, а к Наволоку, чтобы, значит, никто не догадался, где их искать. Тот же крик поднял, как режут его! Вся родня, говорят, сбежалась.

Боря Лапа. А через реку где перебрались?

Саня Копилка. Говорят, верхним бродом.

Боря Лапа. В темнотищу-то такую! Их ведь там и течением смыть могло! Вода-то вон как с дождями подскочила!..

Саня Копилка. Ничего! Парни молодые, крепкие. Справились. Домой, говорят, уж за полночь пришли.

Боря Лапа *(качает головой)*. Вот ведь безголовые!

Доносится скрип уключин и плеск весел приближающейся лодки.

Саня привстает, внимательно приглядывается,
чуть вытянув шею.

Саня Копилка. Ну-ка, ну-ка... Кто это там у нас?.. *(Встает в полный рост, лицо его выражает удивление.)* Ёпрст! Да, не может быть! Траливаля!

Лодка появляется и вскоре причаливает к берегу. Михей все так же на веслах. В носу лодки сидит Траливаля, одетый вроде бы по-городски – добротная осенняя куртка, модные штаны, ботинки, кепка, но сидит на нем все как-то по-деревенски, небрежно. На сиденье рядом с ним – большая дорожная сумка. С его вечно веселого лица не сходит широкая улыбка.

Лодка не успевает ткнуться в берег, как Саня бросается к ней с криком «Траливаля!».

Михей, не зная, как реагировать, тут же вынимает весла из уключин и перебирается с ними на корму, подальше от Сани.

Траливаля выскакивает из лодки, роняет сумку на песок и тут же оказывается в объятиях Сани Копилки. Оба они радостно смеются, хлопают друг друга по плечам, пытаются что-то говорить одновременно.

Саня Копилка. Траливаля! Блин! Сколько лет! Да где ж тебя носило-то?! Мы уж тут гадать начали – жив ли!

Траливаля. А хрен ли мне, сделается?! Вы-то как тут?

Саня Копилка. А что мы? Живем себе, как жили, в ус не дуем!

Боря Лапа подхватывает свои костыли, с радостной улыбкой скачет к Сане и Траливале, хлопает Траливалю по плечу.

Боря Лапа. Здорово, бродяга!

Траливаля (*оборачивается к Боре*). Борька! Черт криволапый! (*Обнимает Борю, отчего тот роняет один костыль.*) И ты тут! Вот как я удачно подбежал – сразу корешей своих и встретил!

Боря Лапа (*неловко подбирая свой костыль*). Умеешь, чертяка! Всегда таким был!

Саня Копилка. Да что мы тут-то торчим?! Идем ко мне, посидим, поговорим, о себе расскажешь! Мамаля, знаешь, как обрадуется! Это ж сколько лет, двадцать?

Траливаля. Да уж почти двадцать пять!

Саня Копилка (*хватается рукой за голову*). Ёкарный бабай!

Траливаля (*не переставая улыбаться*). Да я думал к себе сначала пойти!

Саня Копилка. Да что тебе туда идти-то? У тебя уж там все развалилось!

Боря Лапа. Точно! Покосился домик, в землю врос, а крыльцо совсем пало. Заросло все так, что без пилы и до окон не доберешься!

Саня Копилка. Во! А я что говорю?! Пойдем! (*Тянет Траливалю за рукав в сторону деревни.*)

Траливаля. Ну, пойдем, пойдем! (*Подхватывает свою сумку, закидывает ремень на плечо.*) Ты, Боря, как? С нами?

Боря Лапа. Идите, идите! Я позже подойду. Тут еще побуду – может, еще кто появится. Вам там и без меня есть о чем поговорить.

Траливаля. Ну, давай, подходи!

Боря и Траливаля жмут друг другу руки. Саня Копилка и Траливаля уходят к деревне, на ходу что-то друг другу рассказывая и жестикулируя руками.

Боря, не торопясь, ковыляет к столу, сидя за которым Михей наблюдал всю эту сцену.

Боря Лапа (*качает головой*). Вот ведь как оно бывает-то! Двадцать с лишним лет ни слуху, ни духу, а тут на тебе! Как с неба свалился! (*Подходит к столу, прислоняет к нему костыли, садится рядом с Михеем, все покачивает головой.*)

Михей. Друг ваш?

Боря Лапа. Да что ты! Сколько себя помню, все вместе в детстве бегали. Да и в школе учились вместе, хоть и разновозрастные. Ага. В Никольске. Одна у нас компания была. Веселый был Траливаля-то! Самый из нас заводной. А потом, как отучились, работать уж начали,

он и уехал. И ведь все эти годы ни разу не появлялся! Даже на похороны матери не приезжал!

Михей. А чего уехал?

Боря Лапа. Э-э-э... Тут, парень, целая история, как в кино... Они ведь с Саней девку не поделили!

Михей. С Саней?! Копилкой?!

Боря Лапа. Ага. С ним... Обоим, вишь, она мила стала вдруг... До драк, конечно, не доходило – уж больно они закадычными друзьями были, но... В общем, что-то нужно было делать. А что тут можно сделать?! Вот Траливаля бросил все да и уехал!

Михей. Далеко?

Боря Лапа. А кто ж его знает?.. Сначала вроде как к вам, в Коряжму. На комбинате, говорят, работал. А потом вообще куда-то в Сибирь махнул!.. Матери только писал иногда, что жив-здоров, не беспокойтесь, мол.

Михей. А девка та чего?

Боря Лапа. А чего ей? Они ей оба до лампочки были. Она лишь так, хвостом вертела. Потом связалась с каким-то шабашником приедем... И ладно бы мужик был нормальный, а то ведь нехристь! Из Дагестана! Заделал он ей ребенка да и умотал восвосяси!

Михей. И где она сейчас?

Боря Лапа. Хурма-то?

Михей. Хурма?! Может, Харума или Ханума? Вы ее из-за дагестанца так прозвали?

Боря Лапа. Да какая она на хрен Харума?! Хурма, она и есть хурма! Живет вон в Шалимово у тетки на квартире. Все вяжет и вяжет! С утра до вечера: носки варежки, жилетки с шарфами, даже на заказ чего-то шьет. Тем и кормится.

Михей. А Траливаля не знал, что ли, об этом?

Боря Лапа. Да как не знал?! Мать сразу ему отписала, а он, вишь, и не захотел уже возвращаться. Вот только сейчас сподобился... *(Почесывает себя под кадыком.)* Надо за это выпить!

Боря разворачивается лицом к столу, перебросив, не без труда, ноги через скамейку, деловито хлопочет с закуской, разливает из бутылки по стопкам. Михей также усаживается за стол, спиной к реке. Поднимают свои стопки, чокаются, подносят ко рту.

С другого берега доносится крик «За реку!»

Оба синхронно оборачиваются, всматриваются, Боря пренебрежительно машет рукой, оба синхронно поворачиваются обратно к столу, так же синхронно опрокидывают стопки в рот и закусывают.

Боря Лапа. Подождут минуточку-другую, не बारे.

Из-за реки уже другой голос требовательно кричит «За реку!»
Михей оборачивается, вглядывается.

Михей. Да их там целая делегация! Трое!.. А вон и четвертый появился, мент, судя по всему.

Боря Лапа. Да? Батрак, что ли?

Михей. Какой еще батрак?

Боря Лапа. Да участковый наш. *(Так же оборачивается.)* Тогда дожевываем и поедем, глянем, что это за делегация!

Обе, не спеша, поднимаются. Боря подхватывает свои костыли, по привычке крутанув их в воздухе. Идут к лодке, Михай отвязывает ее, Боря, стоя рядом, внимательно вглядывается в противоположный берег.

Боря Лапа. Ты вот что... побудь пока тут. Я один сплаваю, а то, если всех разом везти, мы тут никак не поместимся.

Боря забирается в лодку, укладывает костыли, усаживается за весла, Михай отталкивает лодку, Боря гребет к противоположному берегу. Скрывается из виду (за кулисами). Далее слышны только голоса, доносящиеся оттуда.

Боря Лапа. А вы кто будете, господа хорошие?

Участковый (*грозно*). Ты что, Тиунцев, допился? Меня не узнаешь?

Боря Лапа. Вас-то я узнаю, товарищ старший лейтенант... Да и как вас не узнать?! Издаля видать – как на парад нарядились!..

Участковый. Ну, так и гребь сюда быстрее! Не спрашивай лишнего! Чего там встал?

Боря Лапа. А это уж, уважаемый, извини-подвинься! Как это не спрашивай лишнего?! Мы ж тут, как на границе, должны и спрашивать, и проверять, коли люди незнакомые. Проявлять, так сказать бдительность. Вы же сами нас поучали!

Участковый. Ты давай не выделывайся! Инспектора нашего пожарного ты знаешь, а это инженеры из Автодора и Мостоотряда, берег ваш с подъездными дорогами осматривать приехали, чтобы мост проектировать.

Боря Лапа (*после паузы*). Мост, говоришь, проектировать?.. Ну, тогда что ж... Перевезу я вас, только всех-то сразу не получится – лодка маловата, грузоподъемность не та. Безопасность – прежде всего! Вам ли, инспекторам, не знать?

Участковый. Эх, и договоришься ты у меня! Я же...

Боря Лапа. Да не пугайте, не пугайте! Знаем мы, на что вы горазды... Вот инженеры пусть садятся, а вас с пожарником, уж не обижайтесь, вторым рейсом.

Участковый. Да мне оно и не надо! Что я, узик свой бросать тут буду, что л! Ты людей, главное, перевези!.. (*Очевидно, обращается к инженерам.*) Ну, в общем, как договаривались – осматривайте, измеряйте, делайте тут, что нужно, а мы прибудем через пару часов, объездом, через Черемуху. У нас тут по деревьям тоже дела есть. Потом вместе все в Никольск и вернемся.

Слышатся голоса одобрения. Доносится скрип уключин, плеск весел, появляется лодка.

В лодке кроме Бори Лапы двое мужчин, обоим около сорока лет, одеты они в теплые костюмы-спецовки с логотипами своих организаций, в руках у них чемоданчики и какой-то зачехленный прибор на треноге.

Боря Лапа (*продолжая грести*). А как же вы мост-то тут строить собрались, коли берег наш топит через год да на год? А в ледоход разве ж он устоит?!

Лодка пристает к берегу. Михай подтягивает ее, привязывает веревку к колу.

Первый инженер (*выбираясь из лодки*). Придумаем что-нибудь. Есть идея сделать его блочным, быстросъемным.

Боря Лапа. Быстросъемным? Во как! А так разве можно?

Второй инженер (*также выбираясь из лодки*). А почему нельзя? Легкий деревянный мост. Настил снимается перед паводком, а капитальным сваям без нагрузки паводок не страшен.

Первый инженер. Но мы сейчас еще посмотрим, что тут у вас имеется. Определим, так сказать, возможности, оценим риски.

Второй инженер. Вот-вот. Деньги под изыскательские работы уже выделены, так что будем работать. А там, глядишь, и под строительство выделят. Соорудим вам чего-нибудь!

Михей. И что, в следующем году управитесь?

Второй инженер. А почему нет? Если все хорошо пойдет – согласуют, утвердят, разрешения выдадут, то запросто. И не такое строили!

Первый инженер. Нам, чтобы на большую дорогу от Никольска выйти, куда двигаться? Туда? (*Указывает рукой.*)

Боря Лапа. Да-да, туда. На гору поднимайтесь, прямо через деревню и шуруйте. У нас тут один путь на большую-то дорогу. Не собьетесь.

Инженеры подхватывают свои вещи и уходят в сторону деревни.

Боря Лапа и Михей молча смотрят им вслед.

Боря Лапа (*после паузы*). Да-а-а, не зря Француз трепался, что мост скоро построят.

Михей. Стало быть, владеет информацией, как сейчас говорят... А участковый чего на тебя так взъелся?

Боря Лапа. Батрак-то? Да ну его! Ездит тут по деревням, выеживается, а толку от него, как от козла молока.

Михей. Чего-то я не понял, Батрак – и вправду фамилия такая?

Боря Лапа. Да Жук фамилия его, а Батраком его прозвали, потому что у тещи уж который год живет. Как они с женой-то сюда в Никольск переехали, так все отселиться и не могут. А теща строгая у него!

Михей. Так он не здешний?

Боря Лапа. Ну да. Харитоновский. У него ведь и отец много лет ментом проработал, до самой пенсии. Тот, правда, следователем был. Вот тот уж настоящий жук! Это же надо такое по жизни устроить!

В ходе разговора они снова перемещаются к столу, садятся на скамейку.

Михей. А что такое?

Боря Лапа. А в детстве, когда пацаном он еще был, играли они с друзьями на узкоколейке Харитоновской, лес по которой с верхних складов вывозят. Ну, и привязали его друзья к рельсам, как бы в шутку, а отвязали уж перед самым тепловозом. Еще бы немного, и все! Тепловозик ведь малюсенький, а платформы лесом груженные – хрен ты его остановишь так просто! Ну, перепугался парень – что ты! Едва жив остался! Вот тогда он и пообещал друзьям-то своим, что как вырастет, станет ментом и всех друзей своих посадит!

Михей. Ничего себе!

Боря Лапа. И ведь что ты думаешь?! Так все и вышло – стал ментом и всех пересажал! До единого!

Михей. Вот молодец какой! И сын по его стопам!

Боря Лапа. Ага. И сын туда же!

Какое-то время оба молча смотрят на реку.

Боря Лапа. Я тут чего подумал... Река уже промылась, чистая, прозрачная. Ночь тихая будет, спокойная... Мы с Саньком уже давно собирались с острогой поплавать...

Михей. Ух, ты! И острога имеется?

Боря Лапа. Ну ты спросишь! А у какого путного рыбака в наших местах ее нет? Все приготовили – и острогу, и фару от мотоцикла, чтобы, значит, в воду-то светить, да только одна заковыка выходит – Санек с Траливалей сегодня не рыбаки.

Михей. Так ведь мы и без них можем?

Боря Лапа. Можем. Только аккумулятор к фаре у Саньки в гараже стоит, тяжеленный, падла, с машины снят. Мне его сюда не притащить.

Михей *(вскакивает с места)*. Так давай, я схожу, принесу?

Боря Лапа. Да сиди, не гоношись!.. Есть у меня пара факелов хороших, для такого случая специально делал – дерюга асбестовая воском пропитанная. Воску у Мухомора много осталось, как пасеку-то всю загубил, а ульи со старыми пустыми сотами остались, так теперь мы воск этот в дело и пускаем... *(Поднимается со скамейки, подхватывает свои костыли.)* Я сейчас схожу до сарая нашего, принесу все, а ты пока тут посиди. Может, кликнет кто с того берега. Костерок можешь раскинуть, чтобы веселее было, да и маяком нам будет, а то в темно-то берега потеряем, будем тыкаться, как котята слепые, – там, по заливам, огней деревенских не видно будет из-за кустов да деревьев. А как приду, так и собираться будем, как раз в пору – скоро уж темнеть начнет.

Боря Лапа не спеша ковыляет в сторону деревни. Михей, посидев немного, начинает собирать дрова для костра, ищет растопку, присев на корточки, укладывает все на старом кострище.

С противоположного берега доносится, хрипло, крик «За реку!».

Михей оборачивается, всматривается, встает, машет рукой, подходит к лодке, отвязывает веревку, сталкивает лодку, забирается в нее, гребет, скрывается из вида.

Спустя какое-то время лодка появляется вновь. В лодке помимо Михея сидит Федя Гнутый.

Федя Гнутый. Ну-ну. Это хорошо, что Траливаля приехал. Значит, возвращается народ потихоньку обратно в деревни. У нас тоже Шарабоска вернулся, хозяйство большое развернул. И другие стали почаще навевываться... Это хорошо... *(Натужно кашляет.)*

Лодка пристает к берегу, Михей выбирается из нее.

Михей. Так вы из Андреево?

Федя Гнутый. Ага. Андреевский. Из больницы вот районной еду. *(Начинает с трудом выбираться из лодки.)* Чуть не месяц там пролежал. И это в такую-то пору!

Михей. А что случилось? С чем лежали?

Федя Гнутый (*выбрался на берег, с тоской осматривает реку, переводя дух*). А всего у меня помаленьку... И одно, и другое, и третье... Доктора только руками разводят... Да и докторов-то толковых не осталось – разбежались все. Эх! (*Безнадежно машет рукой*.) Просрали всю медицину!

Михей (*привязывает лодку к колу*). Да уж! Это сейчас везде так.

Федя Гнутый. Ну ладно. Пойду потихоньку... Передавай Лапе с Копилкой привет! Скажи, Федор Гнутый вернулся. Пусть зайдут ко мне как-нибудь – я давно им кое-что отдать обещал. Сам-то я уж не рыбак, а им еще пригодится.

Михей. Так вы сейчас Борю сами встретите по пути. Он вот-вот подойти должен.

Федя Гнутый. Не-е. Я сейчас вдоль по берегу пойду (*машет в ту сторону рукой*). Прямохонько к себе, в Андреевскую. Зачем мне через Горку круга давать?

Федя Гнутый, согбенный, подволакивая ноги, держась одной рукой за спину, медленно уходит. Михей смотрит ему в след, затем снова подходит к кострищу, приседает на корточки, складывает растопку, но зажечь не успевает – на берегу появляется Боря Лапа, неловко удерживая под мышкой острогу на длинном древке, а в руке – два факела, связанных вместе.

Боря Лапа. Подмогни-ка мне, а то едва допер! (*Михей кидается к нему, подхватывает острогу и факелы*.) Длинная, черт! До чего неловко мне с ней таскаться! Зато надежная – уж сколько годов нам служит.

Михей (*укладывая все поодаль от стола*). Федор Гнутый привет тебе передавал, только что его с того берега перевез.

Боря Лапа. Ну?! Долгонько его не было. Совсем мужика залечили! А вроде и не старый – за шестьдесят только и перевалило... Да... Надо будет заехать к нему – он нам фитили свои отдать обещал. Хорошие-то фитили так просто хрен сделаешь, а у него, вишь, получаются. Мастер!

Михей. А фитиль – это как?

Боря Лапа. Потом покажу... Давай-ка лучше, пока не стемнело, перекусим да на столе приберем, а то птицы растащат, пока острожим.

Михей. Птицы? Ночью?

Боря Лапа. А что ты думаешь? Сойки да вороны с сороками и в сумерках хорошо воровать умеют то, что в открытую лежит. Особенно к холодам поближе.

Оба усаживаются за стол, хлопчут с закуской, Боря разливает остатки самогона по стопкам.

Боря Лапа (*поднимает свою стопку*). Ну, давай добьем, чтобы не мучилась. За удачу!

Чокаются, подносят стопки ко рту. С противоположного берега доносится крик «За реку!».

Боря Лапа. Да что они сегодня, сговорились все, что ли?!

Михей. И не говори!

Боря и Михей синхронно опрокидывают стопки в рот, закусывают. С противоположного берега снова кричат «За реку!». Кричит уже кто-то другой, требовательно. Голоса явно принадлежат молодым людям. Михей оборачивается, всматривается в их сторону.

Михей. Ты смотри, опять целая компания!

Боря Лапа (*не оборачиваясь, жуя*). Да? Ну, давай съездим, посмотрим, что за компания такая.

Боря поднимается, подхватывает свои костыли, как всегда, крутанув их в воздухе; оба направляются к лодке. Уже у лодки, Боря начинает внимательно разглядывать людей на противоположном берегу.

Боря Лапа. Э-э-э... Да это никак Коростелевых компания... Чиполинкиных парней бить пришли...

Михей (*отвязал веревку, но лодку сталкивать не спешит, также взгляды в противоположный берег*). Это как это бить?! Зачем?

Боря Лапа. Зачем, зачем... Тут ведь у нас еще та Санта-Барбара... Анютка Чиполинкина захороволилась с пареньком николевским, Валеркой Коростелевым...

Михей. О! Так я их знаю! Мы по весне с дедом Плетнем их ночью перевозили, пока вы с Саней проверяться ездили. Они после танцев гуляли да провожались.

Боря Лапа. Вот-вот, гуляли... И нагуляли! Забрюхатила Анютка, а ведь ей семнадцать только!

Михей. Вот так раз!

Боря Лапа. Ага... А Валерка-то, как узнал, та и в сторону вильнул! Мол, я не я, и лошадь не моя! На Анютку, ясно дело, смотреть теперь жалко, а братья ее старшие, погодки, Вовка да Серега, решили Валерку-то проучить... Ну, и проучили! Вчера я их под вечер сам перевозил на тот берег, а обратно они где-то бродом переходили, ночью уж.

Михей. И что, сильно побили?

Боря Лапа. Да я думаю, что не слабо. Вот теперь от Коростелевых обраточка-то и наклеивается... Вон какую ораву насобирали!

С противоположного берега снова доносятся нетерпеливые требовательные крики.

Боря Лапа. Ну ладно... Поехали, потолкуем с ними маленько.

Михей (*нерешительно*). Так они нас... это... из лодки вытряхнут, с таким-то настроем.

Боря Лапа. Не ссы! Не пропадем! Мы и к берегу-то приставать не будем. Издаля побеседуем.

Боря забирается в лодку, укладывает костыли, усаживается за весла. Михей сталкивает лодку, запрыгивает в нее, устраивается на корме.

Боря гребет, лодка подходит к середине реки (краю сцены), Боря бросает весла, поворачивается на скамейке лицом к противоположному берегу. Оттуда (из-за кулис) доносятся голоса.

Голоса 1. Ты чего там встал?! Давай гребь сюда!

Боря Лапа (*кричит негромко, но так, чтобы его было слышно парням на берегу*). А вот хочу полюбоваться на вас, таких хороших... И куда это вы собрались, на ночь-то глядя?

Голоса 2. Не твое дело, хрен кривоногий!

Голоса 3. За грибами пошли!

Боря Лапа. Ага. За грибами. То-то, я смотрю, коробами все увешаны!

Голоса 2. Гребни сюда! Вы всех должны перевозить!

Боря Лапа. Перевозить перевозим, да не всех! И с чего это мы вам должны?!

Голоса 3. Так ты что же, гад, перевозить отказываешься?!

Боря Лапа. А зачем вы нам тут нужны, такие красавцы? У нас и без вас охламонов хватает!

Голоса 1. Так мы ведь сейчас в объезд махнем!

Боря Лапа. Так и хреначьте! Чего тут стоять орать-то?

Парни между собой совещаются, слышна неразборчивая речь и отдельные фразы «Мля, это ж далеко!», «А что делать-то?!», Да у меня и бензина не хватит».

Боря Лапа (*негромко, Михею, через плечо*). Сейчас их охолонем маленько.

Голоса 1. Так и не перевезешь?!

Боря Лапа. Неа.

Голоса 2. Так мы же сейчас надувную привезем! Все равно до вас доберемся!

Боря Лапа. Давай вези! Санек Копилка тоже из Котласа привез. Ага. Патронов свежих. Аж три пачки! Дробь троечка! Потом задолбаешься дырки латать!

Голоса 3. Пользуетесь, суки, что у вас берег удобный да дорога близко подходит?!

Боря Лапа. Пользуемся, суки!

Голоса 3. Вот погоди, мост построят, тогда посмотрим!

Боря Лапа. Вот когда построят, тогда и посмотрим!.. А пока езжайте-ка вы, ребята домой! Зачем вам это надо?

Голоса 1. А то ты не знаешь?!

Боря Лапа. Так ведь так и до увечий дойдет! Дело-то подсудным может обернуться!

Голоса 3. А что ты бы стал делать, когда бы на брата твоего наехали?!

Боря Лапа. А что бы стал делать, когда бы сестру твою обидели?! А?!

Пауза.

Голоса 1. Ты нам тут не втирай! Гребни сюда!

Голоса 2. Гребни сюда, падла, кому сказано!

Слышится плеск брошенного в воду камня. Боря утирает с лица брызги.

Боря Лапа. Ага. Давайте, покидайтесь еще, так, может, быстрее к вам приплыву!

Боря берется за весла, разворачивается на скамейке, разворачивает лодку, начинает не торопясь грести к своему берегу.

Боря Лапа (*парням, через плечо*). Езжайте-ка вы по домам, ребята! А я бы на вашем месте еще бы и сам Валерку-то поучил!

Боря продолжает грести, с противоположного берега доносятся проклятия, оскорбления и угрозы, слышится плеск швыряемых им вслед предметов. Михай, сидящий теперь ближе к парням, невольно ежится и даже натягивает на голову куртку, чтобы защититься от брызг воды или долетевшего камня.

Боря Лапа. Ничего, пусть поорут, пар выпустят. Умаются, уедут восвояси. Видали мы таких боевитых!

Михей. Да, не скучно тут у вас!

Боря Лапа. А ты думал!

Лодка пристает к берегу, Боря подхватывает костыли, выбирается на берег, Михай выбирается следом. Оба подходят к столу. С противоположного берега доносится «Козел!». Боря качает головой.

Боря Лапа. Эки неумные... Ладно, собираться будем потихоньку.

Михей. Давай. Я пока костер разожгу.

Боря убирает продукты и посуду со стола в сумки. Михай хлопает себя по карманам, достает зажигалку, присаживается на корточки у кострища, однако разжечь костер не успевает – на берегу появляется баба Маня.

Баба Маня. Ты, Михеюшка, смотрю, тут остаешься? А ведь темнает уже! Где ночевать-то будешь? Ночи-то холодные уже, у костра не поспишь!

Михей (*оставляет свое занятие, встает*). Да я пока не знаю... У Бори, если что, заночую...

Баба Маня. А-а-а... Ну-ну... А то, смотри, у меня можно. Я пока в зимнюю-то половину еще не перебралась, так там места-то много. Живи, сколько хочешь!

С противоположного берега доносится возглас «Сука!»

Баба Маня (*вздрагивает, смотрит на противоположный берег сквозь сгущающиеся сумерки*). Ой! Кто это меня так величает?!

Боря Лапа. Да это не тебя. Это они на нас так ругаются.

Баба Маня. А кто это?

Боря Лапа. Да так... Шпана никольская. Перевозить их не стали, вот они и ярятся.

Баба Маня. И правильно, что не перевезли! Ишь какие хулюганы!.. И чьи это они будут?

Боря Лапа. А-а. Коростелевские.

Баба Маня. Вона как?! Я Семеновне-то потом скажу, задаст она им жару-то!

Михей. Спасибо, баба Маня! Я ведь на одну ночь только и приехал (*подходит к ней ближе*). Завтра брат меня подберет на дороге.

Баба Маня. А-а-а. Ну ладно. Пойду я тогда, пока совсем-то не стемнело. Совсем ведь худо стала видеть в сумерках-то.

Баба Маня, что-то неодобрительно бормоча и качая головой, уходит.

Боря заканчивает прибираться на столе, подхватывает свои костыли, ковыляет к остроге, лежащей на земле, подбирает ее, направляется к лодке.

Боря Лапа. Ладно, поедem потихоньку. Пока догребемcя до тех заливчиков, как раз темно уже и будет. Захвати факела да мешок под рыбу, на скамейке лежит. Может, и правда наколем чего не то.

Михей. А костер?

Боря Лапа. Да хрен с ним! Обойдемcя как-нибудь. Пока разгорится да пока дров покрупнее подбросишь... Зажигалку не забудь! Поехали!

Михей подбирает факела и мешок, оба забираются в лодку и устриваются в ней.

Боря Лапа. Садись на весла. Я на носу буду подсвечивать. Покажу тебе, как да что, а потом и сам попробуешь... Греби пока во-о-он туда, кверху, а там за поворотом к другому берегу и прижмемcя.

Михей отталкивается веслом от берега, вставляет его в уключину, начинает грести. Скоро лодка скрывается в сумерках, слышится лишь скрип уключин и плеск воды.

Действие третье

Берег реки Виледь у деревни Горка. Конец мая следующего года, погожий теплый день. Река, как обычно бывает в эту пору, широко разлилась, затопив низменные луга и перелески.

На берегу все так же, как и за год до этого, – стол с двумя скамейками, старое кострище с чурбаками возле него, вбитый у самой кромки воды кол. Только лодка теперь привязана к нему другая – поменьше размером и ветхая с виду. Да и стол со скамейками заметно обветшали, потемнели, покосились.

С противоположного берега доносится крик «За реку!», однако на этом берегу ничего не происходит. Крик раздается, с небольшим перерывом, еще несколько раз.

На берегу появляется баба Маня. По всему видно, что ее оторвали от каких-то дел в огороде – одета она в старую рабочую спецовку, на ногах у нее перепачканные землей сапоги, на руках рабочие перчатки, на голове – сбившийся платок. Подойдя к самой кромке воды и затенив глаза ладонью, она всматривается в противоположный берег.

Баба Маня. Не разберу, кто такой... Вроде никого и не ждали из своих... Может, Андреевские кто, прямками решили махнуть... Придется плыть, а то ведь ждет стоит, человек-то.

Кряхтя и охая, баба Маня отвязывает лодку, чуть сталкивает ее, забирается в нее, садится за весла, гребет и вскоре скрывается из виду.

Вскоре лодка появляется снова. Баба Маня сидит на корме, на веслах – Михей.

Баба Маня. Так ты опять с оказией к нам приехал, что ли?

Михей. Ну да. Да я и ненадолго. Так, похожу, погуляю, вечером снова за реку переправлюсь, а там меня на машине подберут до города.

Лодка пристает к берегу, Михей выбирается на берег, подает руку бабе Мане, помогая выбраться и ей.

Баба Маня. А почто тебе, паренек, на лодке-то заблазнилось переправляться? По мосту-то ведь оно сподручнее!

Михей. По мосту?! *(Застывает от удивления.)*

Баба Маня *(выбирается на берег, поправляет сбившуюся одежду)*. По мосту, милый, по мосту!

Михей. Неужели построили уже?!

Баба Маня. Построили! Как не построить? Оно ведь как вышло: как по осени Боря-то Лапа потонул, шуму много было, начальство районное приезжало, следователи...

Михей *(махнув рукой с досады)*. Да, знаю... И ко мне еще не раз следователь приходил... Одно выпрашивал, да другое... Да еще и не по разу...

Баба Маня. Вот я и говорю. До области дело-то дошло! Наших-то шпынять стали, мол, как так – люди у вас тонут, переправу наладить не можете! Вот они забегали, забегали... Берега-то зимой еще укреплять начали. Ты подумай-ка – угор в Никольске наполовину срыли! И мост-то быстрехонько, за два месяца и поставили. Все уж у них, оказывается готово было – привезли на место да собрали! Во как!

Михей *(в растерянности усаживается на скамейку)*. Да-а... Дела!.. Это, получается, из-за нас с Борей все так закрутилось!

Баба Маня. Вот-вот... Да уж Бог с ним, с мостом-то! Ладно хоть ты выплыл, как вы перевернулись-то! Это ж надо – в такую-то темень на реку поехали, да без света!

Михей *(задумчиво)*. Так получилось...

Какое-то время молчат – Михей, сидя на скамейке с понурой головой, и баба Маня, стоя напротив него. Каждый думает о чем-то своем. Слышен лишь весенний гомон птиц да поквакивание лягушек на затопленной луговине.

Наконец Михей поднимает голову.

Михей. Ладно, пойду я, баба Маня. До кладбища дойду, Борю навешу да к Копилке надо заглянуть... Как он там?

Баба Маня. Сдал Санька... Ведь почитай всю зиму пропьянствовал, хоть и запойным никогда не бывал... В марте только вот за ум-то и взялся, рыбачить опять начал...

Михей. А Траливаля?

Баба Маня. А что Траливаля... Побыл тут сколь-то да опять усвистал к себе за Урал-камень... Ты правда что... того... загляни-ка к нему, к Саньке-то...

Михей. Загляну.

Михей поднимается со скамейки, тяжелой походкой направляется в сторону деревни.

Баба Маня смотрит ему в след, качает головой. Потом сама подходит к скамейке и устало взбирается на нее, смотрит на реку.

Баба Маня. Надо же – я жизнь прожила, состарилась, скукожилась, сморщилась, уж помирать не сегодня завтра, а река наша как была, такою и осталась... Даже и деревья-то как будто те же самые стоят... И, сколько помню себя, так и просятя люди за реку... Теперь, поди,

никого уж не будет – все по мосту пойдут-поедут... И лодчонка моя скоро совсем негодная будет... (Грустно опускает голову, смотрит куда-то себе под ноги.) Так и сгниет тут, на берегу... И никто больше не крикнет с того берега... *(Вскидывает голову, смотрит куда-то в сторону нового моста.)* А может, не простоит он долго, мост-то этот? Может, смоеет его река, и опять, как встарь, людей перевозить начнем?... Нет... *(Снова грустно опускает голову.)* Не будет уже, как встарь. *(Печально вздыхает.)* Не будет...

Баба Маня слезает с высоковатой для нее скамейки, уныло бредет в сторону своей избы и огорода.

Словно шепот ветра, доносится откуда-то издалека: «За реку!» Это даже не крик, а легкий выдох.

Баба Маня замирает на месте, медленно оборачивается в сторону реки.

Баба Маня. Кричал, что ли, кто-то?.. *(Вглядывается в противоположный берег, сдвинув платок, освобождает одно ухо, прислушивается.)* Али приблизилось мне?.. *(Оборачивается лицом в зрительный зал.)* А?

Занавес